

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-2162

№35(344)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

Г. МОСКВА

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 35 (344)
Ноябрь 2025 г.

Издается с февраля 2017 года

Москва
2025

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Арестова Инесса Юрьевна – канд. биол. наук, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова, Ресурсный центр «Медицинский Сеченовский Предуниверсарий» (г. Москва);

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Гайфуллина Марина Михайловна – кандидат экон. наук, доцент, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», Россия, г. Уфа;

Дорошко Виталий Николаевич – канд. экон. наук, доцент, кафедра мировой и национальной экономики УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации»;

Зорина Елена Евгеньевна – кандидат пед. наук, доцент, доцент кафедры «Межкультурные коммуникации и общегуманитарные науки» Санкт-Петербургского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Санкт-Петербургского филиала Финуниверситета);

Мартышкин Алексей Иванович – канд. тех. наук, доцент, доцент кафедры «Вычислительные машины и системы» Пензенского государственного технологического университета;

Немирова Любовь Федоровна – канд. техн. наук, доц. кафедры конструирования и технологии изделий легкой промышленности, ГБОУ ВПО «Омский государственный технический университет», Общество с ограниченной ответственностью «МИНСП»;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома;

Севостьянова Ольга Игоревна – кандидат биологических наук, доцент, руководитель управления инновационных образовательных программ Ставропольского государственного аграрного университета, г. Ставрополь;

Шайтура Сергей Владимирович – канд. техн. наук, доцент, Российский университет транспорта, кафедра Геоидезии и геоинформатики, ректор Института гуманитарных наук, экономики и информационных технологий г. Бургас, Болгария.

С88 Студенческий форум: научный журнал. – № 35(344). М., Изд. «МЦНО», 2025. – 68 с. – Электрон. версия. печ. публ. – <https://nauchforum.ru/journal/stud/35>.

Электронный научный журнал «Студенческий форум» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно магистрам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

Содержание	
Статьи на русском языке	5
Рубрика «История и археология»	5
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА	5
Синченко Агнесса Павловна	
Карапкова Олеся Григорьевна	
Рубрика «Педагогика»	8
ПРИМЕНЕНИЕ ОНЛАЙН-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ	8
АУДИРОВАНИЯ У УЧАЩИХСЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	
Рыжова Софья Игоревна	
Цинкерман Тамара Николаевна	
Рубрика «Технические науки»	11
ГЕОЛОКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЛОГИСТИКЕ: ТОЧНОСТЬ,	11
НАДЁЖНОСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ ПАРКОМ ЧЕРЕЗ ДАННЫЕ	
В РЕАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ	
Ващенко Александр Николаевич	
Филина Анна Владимировна	
Рубрика «Филология»	14
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ ИОСИФА	14
БРОДСКОГО	
Андроник Наталья Николаевна	
Бражук Владимир Николаевич	
Рубрика «Юриспруденция»	18
ИНОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ЛЕГАЛИЗАЦИИ	18
В КОНТЕКСТЕ СТАТЕЙ 174 И 174.1 УК РФ	
Зайцев Данил Евгеньевич	
ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ	22
ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И РАЗУМНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ:	
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	
Зинченко Андрей Сергеевич	
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ	24
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ	
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	
Златоуст Екатерина Владимировна	
Хромов Александр Владимирович	
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕУСТАВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ	26
ВОЕННО-СЛУЖАЩИМИ	
Кац Сергей Анатольевич	
ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА НАЛОГОВЫХ	30
ПРАВОНАРУШЕНИЙ	
Ларина Александра Валерьевна	

ДИСБАЛАНС ПРАВ ДОЛЖНИКА И КРЕДИТОРОВ В ПРОЦЕДУРЕ НАБЛЮДЕНИЯ Латышев Кирилл Константинович Михайлов Филипп Николаевич	25
О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Рудова Виктория Сергеевна	40
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВНЕСУДЕБНЫХ ФОРМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Румянцева Софья Андреевна	42
ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ, ПРИЧИНЕННОГО ЗЕМЕЛЬНЫМ УЧАСТКАМ Тихомирова Анна Сергеевна	47
ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ДОГОВОРА ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ Чичина Анастасия Александровна	51
Papers in English	55
Rubric «Medicine and pharmacology»	55
BIOTECHNOLOGY OF PROBIOTIC ANTIBIOTIC-RESISTANT STRAINS OF BACILLUS SUBTILIS Bakhmayer Arina Ivanovna Mariasova Elena Anatolyevna	55
Rubric «Sociology»	58
IMPACT OF AI IN EDUCATION AND DIGITAL INEQUALITY AMONG SOCIAL GROUPS IN KAZAKHSTAN Duisenbiyev Yesset Askarovich Shunbo Lei	58
Rubric «Technical sciences»	63
QAZVOICE: DEVELOPMENT OF A KAZAKH-LANGUAGE VOICE ASSISTANT Duisenbiyev Yesset Askarovich Iskakova Aizhan Tohtarbayevna	63

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

РУБРИКА

«ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Синченко Агнесса Павловна

студент,
Армавирский государственный
педагогический университет,
РФ, г. Армавир

Карапкова Олеся Григорьевна

научный руководитель,
канд. ист. наук,
Армавирский государственный
педагогический университет,
РФ, г. Армавир

Аннотация. В статье рассматриваются основные теоретические подходы к пониманию постиндустриального общества, его формирования и развития. Анализируются ключевые идеи М. Фуллера, Д. Блэка, А. Тоффлера и других ученых, формулирующих концепции перехода к постиндустриальному этапу. Особое внимание уделяется характеристикам экономической, социальной и культурной сфер, а также изменениям в структуре труда, технологий и информационных процессов.

Настоящее исследование способствует более глубокому пониманию теоретических основ постиндустриальной эпохи и ее роли в современном развитии человеческого общества.

Ключевые слова: постиндустриальное общество, теоретические основы, развитие общества, информационное общество, структура труда, технологические изменения, социальные трансформации, экономические модели, культурные изменения

Теоретические основы постиндустриального общества представляют собой многоаспектное и многогранное явление, охватывающее широкий спектр социальных, экономических и культурных изменений, происходящих в современном мире.

Постиндустриальное общество, как концепция, была впервые предложена американским социологом Даниэлем Беллом в его работе «Грядущее постиндустриальное общество», опубликованной в 1973 году. В этой работе Белл описывает переход от индустриального общества, основанного на производстве материальных благ, к обществу, в котором основное внимание уделяется информации, знаниям и услугам. Этот переход стал возможен благодаря ряду факторов, включая развитие технологий, изменение структуры экономики и трансформацию социальных отношений.

В постиндустриальном обществе наблюдается смещение акцентов с материального производства на сферу услуг и информационных технологий. Это связано с тем, что в условиях

глобализации и стремительного научно-технического прогресса информация становится ключевым ресурсом, а знания – основным капиталом.

Важной характеристикой постиндустриального общества является то, что оно ориентировано на создание и распространение информации, а не только на производство товаров. В результате этого изменения происходит трансформация трудовых процессов: рабочие места все чаще связаны с управлением информацией, анализом данных и предоставлением услуг, что требует от работников новых навыков и компетенций.

Согласно теории постиндустриального общества, одним из основных факторов, способствующих его возникновению, является развитие технологий, в частности, информационных и коммуникационных технологий.

Эти технологии не только изменили способы производства и распределения товаров и услуг, но и оказали значительное влияние на социальные взаимодействия и культурные практики.

В условиях постиндустриального общества информация становится доступной в любое время и в любом месте, что приводит к изменению форматов общения и взаимодействия между людьми. Социальные сети, интернет и мобильные технологии создают новые возможности для общения, обучения и самовыражения, что, в свою очередь, влияет на формирование идентичности и социальных связей.

Кроме того, в постиндустриальном обществе наблюдается изменение структуры занятости. С одной стороны, происходит рост числа рабочих мест в сфере услуг, таких как образование, здравоохранение, информационные технологии и творчество.

С другой стороны, традиционные производственные профессии теряют свою актуальность, что приводит к необходимости переобучения и адаптации работников к новым условиям. Это также создает новые вызовы для системы образования, которая должна готовить специалистов, способных работать в условиях быстро меняющегося мира, где знания и навыки быстро устаревают.

Экономические изменения, происходящие в постиндустриальном обществе, также имеют свои особенности. Традиционные модели экономического роста, основанные на увеличении производства и потребления, становятся менее эффективными. Вместо этого акцент смещается на инновации, качество жизни и устойчивое развитие. Важным аспектом этого процесса является переход к экономике знаний, где основным ресурсом становится не физический капитал, а интеллектуальный.

В таких условиях компании и организации начинают инвестировать в научные исследования и разработки, что приводит к созданию новых технологий и продуктов, способствующих экономическому росту и повышению конкурентоспособности.

Социальные изменения, происходящие в постиндустриальном обществе, также нельзя игнорировать. В условиях глобализации и цифровизации наблюдается рост неравенства, как экономического, так и социального.

Доступ к информации и технологиям становится неравномерным, что создает разрыв между различными группами населения. Люди, обладающие высокими навыками и знаниями, имеют больше возможностей для реализации своих потенциалов, в то время как те, кто не успевает за изменениями, могут оказаться в уязвимом положении. Это вызывает необходимость пересмотра социальной политики и разработки программ, направленных на поддержку и интеграцию всех слоев населения в новые экономические и социальные реалии.

Культурные изменения в постиндустриальном обществе также имеют свои особенности.

В условиях глобализации происходит смешение культур, что приводит к появлению новых форм самоидентификации и самовыражения.

Технологии позволяют людям из разных уголков мира обмениваться опытом и знаниями, что способствует формированию глобальной культуры.

Однако этот процесс также вызывает опасения по поводу утраты культурной самобытности и традиционных ценностей. Важно отметить, что постиндустриальное общество не

является однородным, и в разных регионах мира этот процесс может иметь свои особенности и проявления.

Таким образом, теоретические основы постиндустриального общества охватывают широкий спектр изменений, происходящих в социально-экономической и культурной сферах.

Переход к постиндустриальному обществу сопровождается изменением структуры занятости, развитием новых технологий, трансформацией социальных отношений и культурных практик.

Важно понимать, что этот процесс не является линейным и однозначным, и его последствия могут варьироваться в зависимости от контекста и условий. В условиях постиндустриального общества необходимо искать новые подходы к образованию, социальной политике и экономическому развитию, чтобы обеспечить устойчивое и справедливое будущее для всех членов общества.

Список литературы:

1. Белл Д. и др. Грядущее постиндустриальное общество. – 1999. URL: [http://elib.bspu.by/bitstream/doc/62813/1/kuityra_informat_obstc_\(2024\).pdf](http://elib.bspu.by/bitstream/doc/62813/1/kuityra_informat_obstc_(2024).pdf) (дата обращения: 03.11.2025).
2. Борисов Н. В., Чугунов А. В. Постиндустриальное общество: концепции и инструменты развития // Санкт-Петербург: Ф-т искусств СПбГУ.– 2020. URL: https://news.egov.itmo.ru/documents/borisov_chugunov_coursebook_2020.pdf (дата обращения: 03.11.2025).
3. Ерохин С. Г. Анализ этапов постиндустриальной трансформации // Вопросы новой экономики. – 2007. – №. 4. – С. 3-15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15609588> (дата обращения: 05.11.2025).
4. Ишмухаметов Н. С. Человеческий капитал: специфика и условия его развития на стадии постиндустриализации : дис. – Уфа : диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук/Челябинский государственный университет, 2011. URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01005393004.pdf (дата обращения: 03.11.2025).
5. Кагитина С. Ю. Становление новой системы ценностей в контексте модернизационных процессов в современной России (философско-культурологический анализ) // Москва. – 2010. URL: <https://guu.ru/files/referate/kagitina.pdf> (дата обращения: 04.11.2025).
6. Карлов В. В. Кочевники в мире модерна и постмодерна. Опыт и перспективы адаптации // Сибирские исторические исследования. – 2016. – №. 4. – С. 131-153. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kochevniki-v-mire-moderna-i-postmoderna-opyt-i-perspektivy-adaptatsii> (дата обращения: 05.11.2025).
7. Коткова М. В. Трансформация культуры в информационном пространстве современного общества. АКД философ. н. – 2010. URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01004894818.pdf (дата обращения: 05.11.2025).
8. Лазаревич А. А. Особенности постиндустриальной трансформации общества. – 2006. URL: <https://rep.bstu.by/bitstream/handle/data/31092/16-22.pdf?sequence=1> (дата обращения: 05.11.2025).

РУБРИКА
«ПЕДАГОГИКА»

**ПРИМЕНЕНИЕ ОНЛАЙН-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ
АУДИРОВАНИЯ У УЧАЩИХСЯ СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

Рыжова Софья Игоревна

*магистрант,
Волгоградский государственный университет,
РФ, г. Волгоград*

Цинкерман Тамара Николаевна

*научный руководитель,
канд. филол. наук, доцент,
Волгоградский государственный университет,
РФ, г. Волгоград*

**THE USE OF ONLINE TECHNOLOGIES TO DEVELOP LISTENING SKILLS
AMONG HIGH SCHOOL STUDENTS**

Ryzhova Sofya Igorevna

*Student,
Master's student,
Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

Tamara Nikolaevna Tsinkerman

*Scientific supervisor,
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

Аннотация. Актуальность данной темы обусловлена ростом числа онлайн-технологий, используемых в образовательной среде благодаря научно-техническому прогрессу (НТП). Применение подобных технологий может внести огромный вклад в развитие аудитивных навыков у учащихся старшего школьного возраста, поскольку современные подростки и молодые люди в большинстве случаев являются активными пользователями гаджетов и интернет-ресурсов. Объектом данного исследования выступают онлайн технологии, способствующие развитию навыков аудирования. Цель исследования состоит в том, чтобы обосновать значимость их применения в процессе обучения.

Abstract. The relevance of this topic is due to the growing number of online technologies used in the educational environment due to scientific and technological progress (STP). The use of such technologies can make a huge contribution to the development of auditory skills among high school students, since modern teenagers and young people are in most cases active users of gadgets and Internet resources. The object of this research is online technologies that promote the development of listening skills. The purpose of the study is to substantiate the importance of their application in the learning process.

Ключевые слова: аудитивные навыки, старший школьный возраст, онлайн- технологии, иноязычная компетенция.

Keywords: listening skills, high school age, online technology, foreign language competence.

Последние несколько лет ознаменовались существенным прорывом в развитии информационных технологий, который мы можем ощущать во многих сферах деятельности, и система образования не является исключением. Современные онлайн-технологии достаточно резко приобрели значительное влияние в учебном процессе после начала пандемии COVID-19, благодаря им стало возможно непрерывное обучение вне зависимости от места локации. Разумеется, в зависимости от вида учебной деятельности зависит, насколько эффективно и целесообразно использование новых технологий.

Аудирование считается одной из наиболее сложных практик в формировании навыков понимания иноязычной информации на слух. Многие учащиеся признаются в том, что наиболее пугающей частью освоения языка для них остается аудирование и говорение. Процесс восприятия речи на слух отличается активным целенаправленным характером, связанным с выполнением сложной мыслительно-мнемической деятельности, успешности протекания которой содействует высокая степень концентрации внимания [2, с. 645].

Кроме того, важно учитывать психологические и когнитивные особенности развития человека в различном возрасте. К старшему школьному возрасту принято относить подростков и молодых людей от 15 до 17 (18) лет. Это могут быть как учащиеся школы 9-11 классов, так и студенты средних профессиональных образований (колледжей, училищ, техникумов), в иных случаях – высших учебных заведений.

В данном возрасте существенно увеличивается способность концентрироваться продолжительное время, удерживать внимание на предмете обсуждения, при этом достаточно быстро переходя на другую тему. С другой стороны, в зависимости от присущих именно подростку интересов в данный период времени, внимание приобретает избирательный характер [4 с.190]. В этом деле свою неоспоримую помощь могут внести онлайн-технологии, включенные в систему обучения.

Поскольку речь идет о молодых людях с уже сформировавшимися выраженными интересами, то для их успешного обучения требуется поддерживать достаточно высокий уровень мотивации. В первую очередь им необходимо понять, как именно и где может пригодиться данный навык или лексика, посвященная определенной теме. В реальности нам часто приходится сталкиваться со спонтанными ситуациями, перепрыгиванием с темы на тему, Small talk и другими неожиданностями. Поэтому важно максимально разнообразить темы для аудирования, при этом, внедряя те, что наиболее актуальны для молодых людей. Познавательный коммуникативный интерес, содержащийся в записи, может послужить стимулом в изучении иностранного языка.

В обучении можно использовать различные виды видеопроодукции: учебные видеокурсы, художественные и документальные фильмы, мультипликационные фильмы, видеоэкскурсии по городам, достопримечательностям и музеям, музыкальные видеоклипы, новости, телепередачи, интервью и др. [3, с. 166]. Количество методов и способов развития аудитивных навыков существенно возросло. Они могут как сопровождаться видеорядом, так содержать в себе только звуковую информацию, различаться по сложности, скорости, количеству участников, но их главное предназначение состоит в том, чтобы научиться распознавать и воспринимать получаемую информацию в разнообразных коммуникативных ситуациях. Регулярное прослушивание поможет преодолеть у учащихся сформировавшийся и часто необоснованный страх о том, что они ничего не поймут.

Обзор иноязычных веб-сайтов показал, что современные онлайн-ресурсы позволяют решить эту проблему: предлагают аудиоматериалы с опорой на видеоролики, добавляют новые функции, позволяющие устанавливать комфортный темп речи, новые виды упражнений, а главное – непрерывный учебный процесс [1, с. 33].

Онлайн-технологии радушно воспринимаются учащимися старшего школьного возраста, их использование стало привычным делом для большинства молодых людей. Разнообразие предлагаемых онлайн-технологий может повысить заинтересованность учащихся благодаря имеющейся альтернативе тематик, удобству пользования и осознания пользы развития данного умения.

Список литературы:

1. Кретьова Л.Н., Рябова И.И. Онлайн-ресурсы как вспомогательный инструмент формирования иноязычной аудитивной компетенции // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология – 2022.
2. Лобанова М.С. Аудирование как один из сложнейших видов речевой деятельности, трудности формирования аудитивной компетенции // Вестник науки – 2024.
3. Панина Е.Ю., Михалева Д.А. Обучение аудированию в старших классах на основе электронного приложения «Смотри и слушай» // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков – 2019.
4. Пронина Н.С., Зими́на М.В. Психологические условия эффективности обучения старших школьников иностранному языку // Проблемы современного педагогического образования – 2019.

РУБРИКА

«ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ГЕОЛОКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЛОГИСТИКЕ: ТОЧНОСТЬ, НАДЁЖНОСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ ПАРКОМ ЧЕРЕЗ ДАННЫЕ В РЕАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ

Ващенко Александр Николаевич

студент,
Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева,
РФ, г. Орел

Филина Анна Владимировна

канд. техн. наук, доцент,
Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева,
РФ, г. Орел

Введение

Геолокация транспортных средств играет ключевую роль в логистике, управлении автопарком, страховании и системах безопасности. Современные технологии спутниковая навигация, сенсорные системы и обработка данных позволяют создавать устройства, которые не только фиксируют текущее местоположение, но и отслеживают скорость, направление движения и обнаруживают нештатные ситуации.

Цель работы – всесторонний анализ аспектов разработки такого устройства: ГНСС, датчики, обработка данных, области применения, рыночные решения, конструктивные особенности и нормативные требования.

Глобальные навигационные спутниковые системы (ГНСС) для отслеживания транспорта

Обзор основных ГНСС: GPS (США), ГЛОНАСС (Россия), Galileo (ЕС) и BeiDou (Китай).

Их принцип основан на измерении времени прохождения сигналов от спутников с точными часовыми метками.

Приёмник с сигналами не менее четырёх спутников рассчитывает координаты. Наличие нескольких систем обеспечивает избыточность, глобальное покрытие и меньшую зависимость от одной системы. Точность: использование нескольких систем повышает точность по сравнению с GPS-only. GPS ~5–10 м; совместное использование ГНСС может снижать до 1–2 м в благоприятных условиях; RTK и DGPS дают сантиметровую точность. Galileo и BeiDou предлагают потенциал для ещё более высокой точности.

Точность зависит от условий и применяемых коррекций.

Надёжность: мультисистемные приёмники повышают доступность сигнала, устойчивость к помехам и отказоустойчивость. ГЛОНАСС показывает хорошую устойчивость к помехам на высоких широтах; Galileo и GPS – известны высокой целостностью. Связанные плюсы – увеличение надёжности за счёт нескольких созвездий. Стоимость: стоимость зависит от типа модуля, частотности, наличия RTK и т. д. Диапазон цен велик: от недорогих базовых модулей до дорогих профессиональных систем RTK. Выбор должен учитывать требования приложения и баланс точности, надёжности и стоимости.

Датчики и модули для определения геолокации

GPS-трекеры: устройства на базе ГНСС для определения местоположения и записи маршрутов. Различаются по форм-фактору и автономности. Применяются в безопасности, управлении парком, страховании и персональном слежении. Акселерометры: измеряют ускорение; MEMS-акселерометры широко используются в автомобилях для определения ускорений, детекции тряски, срабатывания систем безопасности и инерциальной навигации.

Гироскопы: измеряют угловую скорость и ориентацию.

Используются для определения курса и ориентации, особенно в условиях слабого сигнала ГНСС. Могут быть MEMS, волоконно-оптические, кольцевые лазерные и пр.

Магнитометры: измеряют направление относительно магнитного поля Земли, полезны как компас в условиях отсутствия сигнала ГНСС, однако их точность может страдать из-за магнитных помех в автомобиле. Инерциальные измерительные блоки (IMU): сочетание акселерометров, гироскопов (и иногда магнитометров) для обеспечения отслеживания положения и ориентации в условиях отсутствия сигнала ГНСС.

Существуют классы IMU по точности и надёжности: потребительские, автомобильные (AEC-Q сертификация), промышленно-тактические и навигационные.

Программное обеспечение и алгоритмы обработки данных

Фильтрация шумов: ГНСС и датчики подвержены шумам. Применяются фильтры Калмана (EKF, UKF), комплементарные фильтры для объединения данных и снижения неопределённости.

Определение скорости и направления: скорость определяется по изменениям координат; курс – через интеграцию угловых скоростей гироскопов и ориентацию IMU; акселерометры помогают выявлять изменения скорости, но требуют аккуратной калибровки и инициализации.

Сенсорная интеграция: объединение данных ГНСС, IMU и других датчиков (LED, камеры, LiDAR) для повышения точности и устойчивости. Часто применяются EKF/UKF, фильтры частиц и комплементарные фильтры в зависимости от задач и моделей ошибок.

Применение устройств определения геолокации

Логистика и управление цепочками поставок: отслеживание в реальном времени, оптимизация маршрутов, контроль состояния грузов, защита от краж.

Управление автопарком: мониторинг местоположения, скорости, времени простоя, геозоны, анализ поведения водителей и расхода топлива.

Страхование: телематика и UBI – расчёт страховых премий на основе реального поведения водителя.

Безопасность: предотвращение угона, геозонирование, удалённая блокировка в некоторых системах.

Другие области: экстренные службы, автономное вождение, ADAS, геодезия и картография.

Основные требования и характеристики устройств

Точность: требования зависят от применения – от метрового диапазона в логистике до сантиметрового в автономном вождении и геодезии (RTK, PPP). Важна способность использовать коррекции (SBAS, DGPS, RTK, PPP) и поддержка многоподсистемных ГНСС.

Надёжность и доступность: непрерывность работы в сложных условиях достигается за счёт мультисистемной поддержки и сенсорной интеграции.

Частота обновления и задержка: для реального времени критично высокая частота обновления и минимальная задержка (например, 10 Гц и выше для автономного вождения).

Устойчивость к окружающей среде: устройства должны выдерживать экстремальные температуры, вибрацию и влагу, использовать автомобильные компоненты с сертификацией (AEC-series).

Энергопотребление: для батарейных трекеров важна экономия энергии; применяются режимы пониженного энергопотребления и циклическое включение датчиков.

Размеры и форм-фактор: компактность и малый вес для скрытой установки и лёгкости интеграции.

Вопросы энергопотребления, размеров и стоимости компонентов

Оптимизация энергопотребления: баланс между частотой обновления и энергопотреблением; применение режимов сна и эффективной обработки данных.

Выбор компонентов: учитываются размер, стоимость и совместимость.

Важна общая стоимость системы и требования к форме.

Интеграция ГНСС и IMU: антенна должна иметь прямую видимость неба; размещение IMU минимизирует вибрацию и помехи.

Конструкция антенны и размещение: правильная антенна и её размещение критичны для приёма сигналов и минимизации помех.

Нормативные требования и стандарты

Нормативные требования: требуется учёт конфиденциальности, хранения данных и ЕМС/ЭМС для автомобильной электроники. Регуляторные требования зависят от страны.

8.2 Стандарты отрасли: АЕС-Q100, АЕС-Q200, ISO 26262 в зависимости от критичности функций. Соблюдение стандартов повышает надёжность и безопасность.

Заключение и рекомендации

Разработка устройства геолокации – задача, требующая баланса между точностью, надёжностью, энергопотреблением и стоимостью.

Интеграция ГНСС с данными IMU через сенсорную интеграцию обеспечивает устойчивость и точность в условиях ограничения сигнала.

При выборе компонентов критично учитывать требования конкретного применения и соблюдать автомобильные стандарты.

В будущем ожидается ещё более тесная интеграция ГНСС с LiDAR и камерами для автономного вождения и развитие более точных и экономичных инерциальных датчиков, а также совершенствование сервисов GNSS-аугментации.

Список литературы:

1. Global Navigation Satellite System (GNSS) and Satellite Navigation Explained <https://www.advancednavigation.com/tech-articles/global-navigation-satellite-system-gnss-and-satellite-navigation-explained/>
2. BeiDou: China's GPS Challenger Takes Its Place on the World Stage, <https://ndupress.ndu.edu/Media/News/News-Article-View/Article/2999161/beidou-chinas-gps-challenger-takes-its-place-on-the-world-stage/>
3. The difference between GNSS and GPS explained <https://globalgpssystems.com/gnss/the-difference-between-gnss-and-gps-explained/>
4. GPS vs GNSS: Unraveling the Geospatial Navigation Revolution in Surveying – Bench Mark <https://bench-mark.ca/gps-vs-gnss-unraveling-the-geospatial-navigation-revolution-in-surveying/>

РУБРИКА «ФИЛОЛОГИЯ»

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ ИОСИФА БРОДСКОГО

Андроник Наталья Николаевна

магистрант,
Бельцкий Государственный университет
имени «Алеку Руссо»,
Республика Молдова, г. Бельцы

Бражук Владимир Николаевич

научный руководитель,
Бельцкий Государственный университет
имени «Алеку Руссо»,
Республика Молдова, г. Бельцы

Аннотация: Статья посвящена самобытности любовной лирики и поэзии Бродского. Стремление к характеристике лирического героя через сюжетные детали становится особенно-стью художественного замысла поэта: от одиночества, боли и страданий к творческому бессмертию любовного чувства.

Ключевые слова: лирика, поэзия, образ, поэт, символ, лирический герой.

Во второй половине 20 века на небосклоне поэзии зажглась новая звезда. Это уникальный поэт, которому на своем жизненном пути пришлось испытать все: и унижение, и преследования, и невозможность публикаций, эмиграции и ссылки, и, наконец, Нобелевская премия. Почему-то, именно его выделила среди многих других поэтов А.А. Ахматова. Он стал новатором стиха, начав все с «чистого листа». Многие критики обвиняли его в том, что он отходит от традиций и принципов русской литературы, что его лирическому герою не хватает душевного тепла и его лирика зажата в некий абсолют, в образ одиночества и совершенства. Художественное своеобразие Бродского в том, что он сумел в своей поэзии воссоединить три ветви русской литературы, характерные для 20 века, создал свой особый стиль и оставил нам уникальное поэтическое наследие.

Бродский – это поэт-мыслитель и вечный скиталец, его лирический герой всегда узнаваем. Он всегда высокомерный и великодушный, терзаемый тоской и одиночеством. Он всегда в поиске смысла жизни и всегда на грани вечного и приходящего. Именно таков, лирический герой в стихотворении «Осенний крик ястреба». Гордая птица парит над миром. Она выше всего земного, все в низу ей кажется таким ничтожным. Ястреб ликует от счастья, не ведая, о скорой гибели, когда же понимает, что погибает – он издает пронзительный крик:

В этом стихотворении образ ястреба символичен, в нем представлена творческая биография поэта. Мы можем проследить это уже с первых строк: «Северо-западный ветер его поднимает над / сизой, лиловой, пунцовой, алой долиной Коннектикута...» Автор указывает нам на свой родной город Ленинград, который расположен на северо-западе России. Поэт находится в Америке, боль и тоска съедает его сердце. Ястреб подобен поэту, хоть и не певчая птица. Ближе всех к смыслу стихотворения подошёл друг и коллега Бродского по поэтическому цеху Лев Лосев: "Небеса, воздух и воспарение души, неотделимое от личной смерти: от "Большой элегии Джону Донну" (едва ли не раньше) – это постоянный мотив в поэзии

Бродского. Заканчивается стихотворение тем, что детвора ловит пух ястреба и кричит «Зима, зима!». Образ зимы создает кольцевую композицию стихотворения, зима сливается с образом Родины. Ведь Бродский оторван от Родины, от любимой женщины, но он не сломлен, он всецело уходит в творчество. Как и ястреб, он свободен, он выше земных сует. Перед ним новые горизонты удивительного мира поэзии и в каждом творении неугасаемая любовь, как смысл всей его жизни. Любовь живет вечно, если не в реальном мире, где всегда несчастья и боль, и разлука, то где-то там, за гранью жизни, где влюбленные обязательно встретятся и никогда больше не расстанутся. Такую воображаемую картину счастья поэт рисует в стихотворении «Пророчество»:

«Мы будем жить с тобой на берегу,
отгородившись высоченной дамбой
от континента, в небольшом кругу,
сооруженном самодельной лампой»
(«Пророчество», 1965г)

В этом стихотворении лирический герой хочет скрыться от всего мира за высокой дамбой и наслаждаться только одной любимой. Образ возлюбленной придуман лирическим героем, она – плод его воображения, его мечта. Стихотворение передает всю боль его личной утопии. Ведь так трагична и печальна любовная страница жизни Бродского.

В 1962 году поэт встретил Марину Басманову. Это была удивительная встреча, которая изменила его жизнь навсегда. Как скажет в своей статье Андрей Гамалов: «На благо русской литературы, случилась роковая и знаменательная встреча: в своем роде идеальный, архетипический мужчина (бешеная энергетика, талант, целеустремленность, остроумие, расчет, тщеславие) столкнулся с классическим типом столь же архетипической красавицы (роковая внешность, талант, низкий голос, искушенность, обаяние, естественная и непреднамеренная лживость)». Они прекрасно дополняли друг друга: страстный и порывистый Бродский и уравновешенная Марина. Огонь и лед, холодная луна и раскаленное солнце. Поэт боготворил ее, он жил и творил одной любовью к этой женщине.

*«Я был только тем,
чего ты касалась ладонью,
над чем в глухую, воронью
ночь склоняла чело» («Я был только тем..», 1981)*

Всегда на пике страстей отношения, измена любимой женщины, обвинения, ссылка, сын, которому она дала другую фамилию и отчество, все это пришлось пережить поэту. Но, не смотря на это, любовь, равная у Бродского целой жизни, предстаёт в его творчестве как всеохватная, животворящая, вдохновляющая.

Незадолго до смерти поэт посвящает Марине Басмановой книгу «Новые стансы к Августе», в которую вошли его лучшие стихи о любви. Чуть позже Бродский напишет: «Это сборник стихов за двадцать лет с одним, более или менее, адресатом. До известной степени это главное дело моей жизни». В этой книге вся его жизнь, полная ожидания, разочарования, боли и бесконечной любви. Поэт опишет в этом сборнике все этапы взаимоотношений с Мариной. Напишет об их первой встрече, о безграничном счастье и гармонии, о тяжелых разрывах, о воссоединениях, терзаниях, о боли одиночества и, наконец, о прощании навсегда.

*«Я обнял эти плечи и взглянул
на то, что оказалось за спиной,
и увидел, что выдвинутый стул
сливался с освещенною стеною.
Был в лампочке повышенный накал,
невыгодный для мебели истертой,
и потому диван в углу сверкал
коричневою кожей, словно желтой.
Стол пустовал. Поблескивал паркет.
Темнела печка. В раме запыленной*

*застыл пейзаж. И лишь один буфет
казался мне тогда одушевленным.
Но мотылек по комнате кружил,
и он мой взгляд с недвижимости сдвинул.
И если призрак здесь когда-то жил,
то он покинул этот дом. Покинул»
(«Я обнял эти плечи и взглянул ...», 1962)*

В стихотворении противопоставляется внутренний мир лирического героя и мир вещей. Поэт видит образ любимой в каждом предмете. Чувства переполняют его. В начале стихотворения пред нами лирический герой, чувствуется динамика его действий, ее передают глаголы «обнял», «взглянул», «увидал», но затем все застыло и пейзаж застыл: и стул, и освещенная стена, диван в углу, стол, печка – все неподвижно и безмолвно. Чувствуется взгляд героя на предметы, которые когда-то жили своей жизнью, в этой жизни были он и она, а сейчас все в прошлом. В последней строфе автор опять использует «глаголы действия»: «мотылек кружит», «взгляд с недвижимости сдвинул» и чувствуется то, что мир вещей остается за спиной лирического героя. Он как будто стоит на пороге и прощается с прошлым, впереди новая жизнь и, как дань старой жизни – это его взгляд, который отрывает мотылек. Мотылек – символ нового, связующая ниточка между прошлым и будущим. Все остается в прошлом. Все глаголы используются только в форме прошедшего времени. Там, за дверью новая жизнь, которая его ждет и последние строки – это вывод автора. Образ героини загадочен, поэт упоминает о ней всего лишь один раз «я обнял твои плечи и взглянул», автор не раскрывает этот образ, оставляя его недостижимым.

Еще одно значимое стихотворение из этого сборника – это стихотворение «Ломтик медового месяца» (1963г.). Это стихотворение одно из самых романтических в сборнике. Поэт описывает удивительный мир уединения влюбленных. Мир двоих. Он не вечен, но так сладок. Автор очень часто использует предметы-символы. Так в данном стихотворении используется многозначность понятия «месяц», имеющего как предметное, так и временное значение.

Каждая строка этого стихотворения посвящена Марине Басмановой. Любовь к этой женщине ощущается в каждом слове. Поэт использует «морскую» лексику (пристань, вода, спасительный круг, чайки, яхты, рыба, устрицы, пена морских валов, гребни), чтобы передать необъятность своего чувства, ведь имя возлюбленной Бродского – Марина, оно произошло от латинского *marinus* – «морской». Все вокруг заполнено его любовью к одной единственной. Поэт использует сравнение:

*«Пусть же в сердце твоём,
как рыба, бьётся живьем
и трепещет обрывок
нашей жизни вдвоем.»*

Любовь жива, она трепещет и бьётся. Название стихотворения – «Ломтик медового месяца», «овеществляет» чувство, передает его через предметные обозначения, делает счастье осязаемым. Месяц – покровитель влюбленных, у Бродского месяц как светило соотносится с месяцем как мерилем времени, причем с самым счастливым для влюбленных «медовым месяцем». Слово заглавия «ломтик» указывает на скоротечность счастья, его изменчивость и краткость, напоминает о том, что все так быстротечно. Автор описывает стихию чувств, рисует картины природы, подмечая редкие детали, доступные не каждому. Эти детали раскрывают подтекст любовного сюжета стихотворения.

Все вокруг прекрасно, если смотреть на мир влюбленными глазами. Любовь окрыляет человека, делает его неуязвимым, неподвластным, свободным. Любовь и творчество у Бродского гармоничны, этот союз создает особый поэтический мир – мир удивительной поэзии Иосифа Бродского.

Список литературы:

1. Бродский, И. Осенний крик ястреба : стихотворения / И. Бродский. СПб. : Азбука-классика, 2012. – 640 с.
2. Бродский, И. Новые стансы к Августе. Стихи к М. Б. : 1962-1982. / И. Бродский. Ann Arbor : Ardis, 1983.
3. Бродский, И. А. Большая книга интервью / И. А. Бродский ; сост. и фот. В. Полухиной. 2-е изд., испр. и доп. – М. : Захаров, 2000. – 703 с. : ил.

**РУБРИКА
«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»**

**ИНОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ЛЕГАЛИЗАЦИИ
В КОНТЕКСТЕ СТАТЕЙ 174 И 174.1 УК РФ**

Зайцев Данил Евгеньевич

студент,

*Санкт-Петербургский Университет Министерства
Внутренних Дел Российской Федерации,
РФ, г. Санкт-Петербург*

Предмет преступления представляет собой фундаментальное понятие в теории уголовного права, которое играет ключевую роль в правоприменительной практике. Он служит основным инструментом для идентификации сущности уголовно-правовых отношений, квалификации преступных деяний и дифференциации смежных составов преступлений. В контексте преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), объект преступления является необходимым элементом уголовно-правовой охраны [1].

Под объектом преступления следует понимать материальные, осязаемые, измеримые, фиксируемые и оцениваемые явления или элементы внешнего мира, которые подвергаются воздействию, способному причинить ущерб охраняемым законом интересам. Количественная характеристика объекта определяется его стоимостью или размером, что позволяет более точно оценить характер и степень общественной опасности совершенного деяния.

Таким образом, объект преступления является центральным элементом уголовно-правовой доктрины и практики, который обеспечивает корректную квалификацию преступных деяний, разграничение смежных составов преступлений и справедливое правоприменение. В контексте статей 174 и 174.1 УК РФ предмет преступления представляет собой материальный субстрат, на который направлено преступное посягательство. Это требует детального анализа его характеристик для адекватной правовой оценки. [2, с. 27; 3, с. 124; 4, с. 15].

Стоимость предмета представляет собой материализованную в товаре форму труда, которая фиксирует совокупные затраты на его производство. Данный показатель обладает двумя ключевыми характеристиками: меновой стоимостью и потребительской стоимостью.

Меновая стоимость товара определяется его способностью обмениваться на другие товары в определённой пропорции и количественном отношении. Потребительская стоимость, с другой стороны, отражает качественные характеристики товара как продукта труда, удовлетворяющие те или иные потребности человека.

Таким образом, стоимость товара можно рассматривать как сложный экономический феномен, интегрирующий как объективные количественные параметры, так и субъективные качественные характеристики, которые определяют его ценность для конечного потребителя. [5, с. 194].

Размер представляет собой количественный параметр объекта, который является ключевым элементом дифференциации составов преступлений, содержащих размерные признаки, в зависимости от степени их общественной опасности. Этот параметр позволяет объективно классифицировать преступления, учитывая их количественные характеристики и потенциальное воздействие на общественные отношения.

В качестве примера можно привести нормы, регулирующие категории крупного и особо крупного размера в экономических преступлениях. Эти нормы закреплены в примечании к статье 170.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Важно отметить, что указанные категории были актуализированы в недавнем времени, и по состоянию на апрель 2024 года их пороговые значения определены следующим образом: крупный размер соответствует сумме, превышающей три миллиона пятьсот тысяч рублей, а особо крупный размер – сумме, превышающей тринадцать миллионов рублей.

Таким образом, размер выступает в качестве важного инструмента правовой квалификации преступлений, позволяя дифференцировать их в зависимости от количественных параметров, что способствует более точной оценке общественной опасности и индивидуализации уголовной ответственности [6].

В контексте преступлений, регламентированных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, критерии, определяющие количественные параметры этих составов, остаются неизменными. Согласно действующему законодательству, финансовые операции и другие сделки с денежными средствами или имуществом признаются крупными и особо крупными, если их сумма превышает соответственно 1 500 000 (один миллион пятьсот тысяч) рублей и 6 000 000 (шесть миллионов) рублей.

Объектом преступных посягательств, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, выступают денежные средства и иное имущество, заведомо полученные преступным путём другими лицами. Для более глубокого анализа понятия «иное имущество» необходимо обратиться к положениям статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, классифицирующей его как имущественные права (включая безналичные денежные средства, цифровые финансовые активы, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права), результаты работ и услуг, интеллектуальную собственность (результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации) и нематериальные блага.

В доктрине уголовного права понятие «иное имущество» в контексте преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, обычно трактуется как материальные ценности, обладающие меновой стоимостью. К таким ценностям относятся валютные активы в виде долговых обязательств, номинированных в иностранной валюте; драгоценные металлы (золото, серебро, платина и металлы платиновой группы) в любом виде и состоянии, включая ювелирные и иные бытовые изделия, а также их лом. Природные драгоценные камни, как в сыром, так и в обработанном виде, жемчуг, ювелирные и иные бытовые изделия из этих материалов и лом таких изделий также включаются в категорию «иное имущество». Кроме того, к данной категории могут быть отнесены различные промышленные и продовольственные товары, недвижимость и другие материальные объекты, имеющие значительную экономическую ценность [7, с. 143; 7, с. 42].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 под иным имуществом признается движимое и недвижимое имущество, имущественные права, документальные и бездокументарные ценные бумаги, а также имущество, полученное в результате переработки имущества, приобретённого преступным путём или в результате совершения преступления [9].

Имущество для целей применения ст. 174 и 174.1 УК РФ должно обладать тремя значимыми признаками: физическим, юридическим и экономическим. Представляется верным руководствоваться определением данных признаков применительно к предмету преступления в хищениях. Физический признак в данном случае будет представлять характеристику имущества как вещественный, телесный предмет внешнего мира, доступный для восприятия. С экономической стороны оно должно быть возможным предметом гражданского оборота, т.е. представлять собой ценность; со стороны юридической – предметом правового обладания физического или юридического лица, составляя его собственность [10, с. 168].

Таким образом, не все объекты гражданских прав, перечисленные в ст. 128 ГК РФ [11], подпадают под категорию «иное имущество» для целей применения ст. 174 и 174.1 УК РФ [12, с. 96]. Например, имущество, изъятое либо ограниченное в гражданском обороте, на практике не рассматривается в качестве предмета легализации [12, с. 128].

В ряде судебных актов было установлено, что процесс легализации имущества, который включает в себя трансформацию его правового статуса, оказывает значительное влияние на социально-экономический статус данного имущества. Этот процесс приводит к преобразованию имущественных объектов из нелегального состояния в легальное, что, в свою очередь, способствует формированию новых общественных и экономических отношений.

Однако законодательство четко ограничивает возможность легализации имущества, которое изъято из гражданского оборота или ограничено в использовании. Это обусловлено тем, что изначально такое имущество запрещено к использованию в соответствии с действующими нормативными актами.

Данный запрет распространяется на специфические объекты, включая психотропные, сильнодействующие, ядовитые, отравляющие, взрывчатые и радиоактивные вещества, радиационные источники, ядерные материалы, огнестрельное оружие, взрывные устройства, боеприпасы, оружие массового поражения, военную технику и стратегически важные сырьевые товары.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 содержатся разъяснения относительно невозможности признания вышеуказанных объектов предметом преступления. Совершение сделок с такими объектами, направленных на придание им правомерного вида владения, пользования и распоряжения, квалифицируется как приобретение или сбыт. Дальнейшие операции с денежными средствами, полученными в результате таких сделок, формируют объективную сторону преступления.

Таким образом, процесс легализации имущества является сложным и многоаспектным явлением, который требует тщательного правового регулирования и контроля. Ограничения на легализацию специфических объектов направлены на предотвращение их использования в противоправных целях и обеспечение общественной безопасности.

В заключение необходимо подчеркнуть, что объект преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, определяется количественными характеристиками, включающими стоимость имущества или сумму финансовых средств. Под имуществом в данном контексте подразумевается любое материальное или недвижимое имущество, обладающее меновой и потребительской стоимостью, что свидетельствует о его экономической значимости и способности участвовать в товарно-денежных отношениях.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.
2. Лясколо, А.Н. Ущерб в банкротных преступлениях / А.Н. Лясколо // Уголовное право. – 2023. – № 9. – С. 27-40.
3. Трунцевский Ю.В. Законодательное закрепление количественных параметров стоимостных критериев преступлений в сфере экономической деятельности: закономерности и методика подсчёта / Ю.В. Трунцевский, И.В. Осипов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 3. – С. 122-148.
4. Мурзаков С.И. Стоимостные критерии преступности и наказуемости деяний, совершаемых в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук / С.И. Мурзаков. – Н. Новгород, 1997. – 26 с.
5. Козаченко И.Я. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новосёлов. – М.: НОРМА, 2001. – 911 с.
6. Федеральный закон от 05.04.2021 № 79-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 76, 09.04.2021.
7. Томин В.Т. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : учебник / В.Т. Томин, В.В. Сверчков. – М.: Юрайт, 2010. – 481 с.
8. Бодров В.А. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с легализацией преступных доходов : дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Бодров. – М., 2008. – 27 с.

9. Постановление Пленума ВС РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём» (в ред. от 26.02.2019) // Российская газета. № 151. 13.07.2015.
10. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные : учебник / И.Я. Фойницкий. – Петроград : Юрид. изд-во при Петрогр. ун-те, 1916. – 439 с.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Российская газета. № 238-239. 08.12.1994.
12. Абаканова В. А. Криминалистическая характеристика и общая типовая программа исследования события с признаками легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём : дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Абаканова. – СПб., 2002. – 138 с.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И РАЗУМНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Зинченко Андрей Сергеевич

студент,

Санкт-Петербургский государственный университет

аэрокосмического приборостроения,

РФ, г. Санкт-Петербург

Аннотация. В данной статье проводится комплексный анализ ключевых оценочных категорий гражданского права – добросовестности и разумности. Автор исследует их нормативное закрепление в российском законодательстве, выявляет сущностные характеристики и функциональное назначение каждой из них. Особое внимание уделяется проблеме разграничения признаков добросовестности и разумности, которые, несмотря на тесную взаимосвязь, выполняют различные правовые функции. На основе изучения судебной практики и доктринальных источников доказываем, что добросовестность относится преимущественно к субъективно-нравственной сфере, в то время как разумность является объективно-рациональным стандартом поведения. Статья содержит критерии для их практической идентификации в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: добросовестность, разумность, принцип добросовестности, стандарт поведения, злоупотребление правом, гражданское право, толкование договора, презумпция добросовестности.

Введение

Принципы добросовестности и разумности занимают центральное место в системе современного российского гражданского права. Закрепленные в п. 3, 4 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), они пронизывают всю систему гражданско-правового регулирования. Однако их оценочный характер порождает значительные сложности в правоприменительной практике. Нередко эти категории используются судами как взаимозаменяемые, что приводит к размыванию их специфики и снижению предсказуемости судебных решений.

Целью настоящего исследования является выявление отличительных признаков добросовестности и разумности через анализ их нормативного содержания, функций и правовой природы.

1. Нормативное содержание и функции принципа добросовестности

Добросовестность (*bona fides*) в гражданском праве понимается в двух основных аспектах: как субъективное психическое отношение лица и как объективный стандарт поведения.

В субъективном смысле добросовестность характеризует незнание лица о тех обстоятельствах, которые препятствуют реализации его прав или защите его положения (например, добросовестный приобретатель, не знавший о незаконности отчуждения имущества).

В объективном смысле, который является доминирующим в свете последних изменений в ГК РФ, добросовестность представляет собой требуемый стандарт поведения участников гражданского оборота, предполагающий честность, открытость и учет прав и законных интересов контрагента.

Функции добросовестности многообразны:

Восполнительная: Заполняет пробелы в законодательстве и договоре.

Ограничительная: Служит пределом осуществления гражданских прав (п. 1 ст. 10 ГК РФ).

Интерпретационная: Используется при толковании условий договора и действий сторон (ст. 431 ГК РФ).

Критериальная: Является мерилем для оценки правомерности поведения сторон.

Ключевым признаком добросовестности является ее нравственно-этическая составляющая. Она апеллирует к таким категориям, как честность, справедливость, верность слову. Презумпция добросовестности, установленная п. 5 ст. 10 ГК РФ, означает, что пока не доказано иное, предполагается, что участники гражданских правоотношений действуют добросовестно.

2. Сущность и критерии разумности

Разумность (reasonableness) – это объективный стандарт осмотрительности и целесообразности, который ожидается от участника гражданского оборота в аналогичной ситуации.

В отличие от добросовестности, разумность лишена прямой моральной окраски и носит рационально-экономический характер. Ее основная функция – установление экономически оправданного, целесообразного и осмотрительного поведения.

Разумность оценивается с позиции гипотетического «разумного и осмотрительного лица», действующего в аналогичных обстоятельствах. Это предполагает учет обычной практики, условий оборота, а также доступных лицу знаний и возможностей.

Несмотря на системную связь (п. 2 ст. 6 ГК РФ предписывает содействовать добросовестности и разумности в едином контексте), эти категории имеют фундаментальные различия.

Практическая иллюстрация: Компания, уклоняясь от исполнения договора, использует формальные, несущественные недостатки в документах контрагента. Такое поведение будет квалифицировано как недобросовестное, поскольку оно нечестно и направлено на необоснованное получение выгоды. В то же время, если предприниматель, заключая крупную сделку, не провел минимальной проверки контрагента, доступной ему без значительных затрат, его поведение будет оценено как неразумное, так как он не проявил должной осмотрительности.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что добросовестность и разумность, будучи взаимодополняющими началами, являются разноуровневыми категориями.

Добросовестность – это этико-правовой императив, требующий от участников оборота честности и лояльности. Ее нарушение затрагивает сами основы гражданского оборота и связано с осуждением неправомерного поведения.

Разумность – это стандарт практической целесообразности и осмотрительности, обеспечивающий стабильность и эффективность экономических отношений. Ее нарушение свидетельствует о недостатке должной заботливости и расчетливости.

Четкое разграничение этих понятий имеет важное практическое значение. Оно позволяет судам более точно квалифицировать поведение сторон, правильно распределять бремя доказывания и выносить обоснованные решения, способствуя тем самым формированию единообразной и предсказуемой правоприменительной практики, что является необходимым условием для развития здорового гражданского оборота.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.
3. Богданов Д.Е. Принцип добросовестности в гражданском праве: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2017.
4. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. – 1916. – № 6.
5. Суханов Е.А. О добросовестности, разумности и справедливости как принципах гражданского права // Закон. – 2018. – № 3. – С. 33–45.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Златоуст Екатерина Владимировна

студент

*Северо-Западного института управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
РФ, г. Санкт-Петербург*

Хромов Александр Владимирович

*научный руководитель,
преподаватель Северо-Западного института
управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
РФ, г. Санкт-Петербург*

CRIMINALISTIC SUPPORT IN INVESTIGATING CRIMES COMMITTED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Zlatoust Ekaterina Vladimirovna

Student,

*at the North-West Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
Faculty of Secondary Vocational Education,
Russia, St. Petersburg*

Khromov Alexander Vladimirovich

*Academic supervisor,
Lecturer at the North-West Institute of Management,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Russia, St. Petersburg*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, включая выявление, фиксацию и исследование цифровых доказательств, а также подготовку материалов к судебному разбирательству. Автор анализирует методы цифровой криминалистики, судебно-криминалистическую экспертизу и нормативно-правовое регулирование, уделяя особое внимание роли правоохранительных органов в обеспечении законности и полноты расследования. Определяются основные проблемы практического применения криминалистических методов и пути совершенствования межведомственного взаимодействия при расследовании преступлений в цифровой среде.

Abstract. The article examines the specific features of criminalistic support in investigating crimes committed with the use of artificial intelligence, including the detection, documentation, and analysis of digital evidence, as well as the preparation of materials for court proceedings. The author analyzes methods of digital criminalistics, forensic examinations, and regulatory frameworks, paying particular attention to the role of law enforcement agencies in ensuring the legality and thoroughness of investigations. The paper identifies the main challenges in the practical application of criminalistic

methods and outlines ways to improve interagency cooperation in the investigation of crimes within the digital environment.

Ключевые слова: криминалистика, искусственный интеллект, цифровые доказательства, расследование преступлений, правоохранительные органы, судебная экспертиза.

Keywords: criminalistics, artificial intelligence, digital evidence, criminal investigation, law enforcement agencies, forensic examination.

В современных условиях развития информационных технологий и искусственного интеллекта вопросы криминалистического обеспечения расследования преступлений приобретают особую актуальность. Преступления с использованием искусственного интеллекта могут включать создание фальшивых цифровых материалов, таких как DeepFake, автоматизированный взлом программного обеспечения, манипуляцию данными, финансовые махинации и кибертерроризм. Эффективное расследование таких преступлений требует развития методов выявления, фиксации и исследования цифровых следов, применения судебно-криминалистической экспертизы и совершенствования нормативной базы.

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений с использованием искусственного интеллекта представляет собой комплекс мер, направленных на правильное выявление, фиксацию, исследование и документирование доказательств. Особое значение имеет квалификация преступлений в цифровой среде, которая позволяет определить объекты, субъекты, способы и средства совершения преступления. Целью криминалистического обеспечения является создание достоверной доказательной базы, обеспечивающей законность и полноту расследования и судебного разбирательства.

Методы фиксации и исследования цифровых следов включают сбор и сохранение данных с электронных устройств, логов серверов, сетевого трафика, а также анализ программного обеспечения и алгоритмов, используемых при совершении преступления. Особое внимание уделяется соблюдению процессуальных норм при изъятии и исследовании цифровых доказательств, чтобы исключить их недопустимость в судебном процессе.

Судебно-криминалистическая экспертиза играет ключевую роль в расследовании преступлений с использованием искусственного интеллекта. Экспертизы позволяют определить происхождение цифровых материалов, выявить следы вмешательства в алгоритмы и оценить достоверность информации. При этом особое значение имеет квалификация экспертов, обладающих знаниями в области информационных технологий, программирования и криминалистики.

Анализ нормативной базы показывает необходимость совершенствования российского законодательства в сфере цифровой криминалистики. Современные угрозы требуют корректного определения таких понятий, как «цифровой след», «искусственный интеллект» и «преступление с использованием искусственного интеллекта», а также установления процедур взаимодействия правоохранительных органов, экспертов и судов. Усиление ответственности за совершение преступлений в цифровой среде и разработка единых методических рекомендаций для сотрудников правоохранительных органов являются ключевыми направлениями развития.

Особое внимание следует уделить проблемам практического применения криминалистических методов. Среди них – трудности в идентификации злоумышленников, определении причинно-следственной связи между действиями и последствиями, а также необходимость комплексного подхода при изучении сложных цифровых доказательств. Важным аспектом является межведомственное взаимодействие между правоохранительными органами, экспертными организациями и образовательными учреждениями, обеспечивающее подготовку специалистов, способных эффективно работать с преступлениями, совершенными с использованием искусственного интеллекта.

Эффективность криминалистического обеспечения расследования преступлений с использованием искусственного интеллекта зависит от развития технологий, повышения квалификации специалистов и совершенствования нормативной базы. Разработка новых методов исследования цифровых следов, внедрение программного обеспечения для анализа больших

данных, а также международное сотрудничество в сфере цифровой криминалистики позволяют создавать надежную систему защиты прав и законных интересов граждан, предотвращать преступления и обеспечивать справедливое судебное разбирательство.

Таким образом, криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, представляет собой сложную правовую и практическую категорию. Постоянное совершенствование методов фиксации, исследования и документирования цифровых следов, а также разработка и внедрение нормативных и методических подходов создают условия для эффективного расследования и судостроительства, повышая безопасность и правовую защиту государства в условиях цифровой трансформации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – № 25.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 51.
4. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 22.
5. Алгоритм расследования преступлений с использованием искусственного интеллекта как часть криминалистической методики // Статья Безматерных Л.И.
6. Бессонова А.А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений. – М.: Проспект, 2021.
7. Васюков В.Ф., Шеметов А.К. Возможности искусственного интеллекта в раскрытии преступлений // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 1.
8. Вехов В.Б. Цифровая криминалистика: учебное пособие. – М.: Проспект, 2022.
9. Зуева Д.В., Бахтеева Д.В. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде. – М.: Юрлитинформ, 2022.
10. Колычева А.Н. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в раскрытие и расследование преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3.
11. Тарасов А.В., Темзоков А.В. Криминалистические аспекты использования искусственного интеллекта в раскрытии и расследовании преступлений. // Журнал «Теория и практика общественного развития». 2023. № 10.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕУСТАВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

Кац Сергей Анатольевич

магистрант

*Негосударственного образовательного
частного учреждения*

высшего образования Московский

финансово-промышленный университет «Синергия»,

РФ, г. Москва

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о том, как можно очень просто и быстро из законопослушного и образцового военнослужащего превратиться в человека с уголовным прошлым

Abstract. This article examines how one very easily and quickly transform from a law-abiding and exemplary military service member into a person with a criminal past

Ключевые слова: «дедовщина», неуставные взаимоотношения, военнослужащие, общевойсковые уставы, 335 УК РФ, уголовный кодекс РФ

Keywords: «hazing», military personnel, general military regulations, 335 Criminal Code of the Russian Federation, Criminal Code of the Russian Federation

В Вооруженных силах Российской Федерации (далее ВС РФ), понятие «неуставные взаимоотношения» настолько обширно, что под него попадает практически каждое действие, каждое слово, которое оказывает или может оказать физическое или психологическое воздействие одного военнослужащего на другого, или несколькими военнослужащими на другого или других военнослужащих. Если по-простому, то неуставные взаимоотношения – это взаимоотношения между военнослужащими, которые грубо нарушают требования Уставов Вооруженных сил РФ.

Личный состав ВС РФ в своей служебной деятельности руководствуется Конституцией РФ, федеральными конституционными законами, федеральными законами, общевойсковыми уставами и иными нормативными правовыми актами РФ. [1].

Не имеет значения, какую должность военнослужащий занимает, какое у военнослужащего воинское звание, выслуга лет, в каком подразделении и звене управления выполняет свой воинский долг и свои должностные обязанности, каждый военнослужащий обязан соблюдать Уставы ВС РФ. Именно в этих документах описаны правила взаимодействия, руководства и подчиненности между военнослужащими.

К военнослужащим относятся офицеры, прапорщики и мичманы, курсанты военных профессиональных образовательных организаций, военных образовательных организаций высшего образования, сержанты и старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по контракту, сержанты и старшины, солдаты и матросы, проходящие военную службу по призыву, курсанты военных профессиональных образовательных организаций, военных образовательных организаций высшего образования до заключения с ними контракта [2].

Исходя из того, что под категорию «военнослужащий» попадает весь личный состав Вооруженных сил, имеющий воинское звание, теория уголовного права с объективной стороны неуставные взаимоотношения между ними делит на три вида, а именно:

1. Неуставные взаимоотношения между военнослужащими без признаков подчиненности, к ним можно отнести физическое либо психологическое насилие (воздействие), драка на почве неприязненных отношений, сексуальное насилие.

2. Неуставные взаимоотношения между военнослужащими в отношении подчиненного, к ним относят физическое либо психологическое насилие (воздействие) в отношении подчиненных, когда данные формы воздействия не требовались в определенных условиях;

использование подчиненный личный состав в своих личных, не связанных со служебной деятельностью целях, либо насилие сексуального характера в отношении подчиненного.

3. Неуставные взаимоотношения между военнослужащими в отношении начальника, к которым относят такие как физическое либо психологическое насилие в отношении начальника, экономическое насилие, насилие сексуального характера.

Точной статистики о количестве неуставных взаимоотношениях в рядах Вооруженных сил нет. Можно даже сказать, что в рамках министерства данная статистика есть, она ведется и тщательнейшим образом отслеживается, но в открытые источники не публикуется. Но даже те преступления, которые известны, не отображают всю картину происходящих неуставных взаимоотношений среди военнослужащих.

Обратим внимание на п.19 Общевоинского Устава ВС РФ, а именно на конкретную его часть: «...За нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, связанное с унижением чести и достоинства, издевательством или сопряженное с насилием, а также за оскорбление одним военнослужащим другого виновные привлекаются к дисциплинарной ответственности, а при установлении в их действиях состава преступления – к уголовной ответственности» [3].

В уголовном кодексе, преступлениям против военной службы отведен раздел XI, глава 33, которые так и называются «Преступления против военной службы». Ответственность за неуставные взаимоотношения между военнослужащими регулируется статьей 335 УК РФ «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности» и применяются различные виды дисциплинарных взысканий, не исключая арест и лишения свободы.

Нарушение же должно нести в себе вредоносный характер. Нарушение уставных правил, с субъективной стороны, всегда совершается с умыслом. Это является важнейшим аспектом при проведении следственных мероприятий, а также в последующем при вынесении приговора.

Триггеров и причин неуставных взаимоотношений может быть разнообразное множество и, как правило, желание показать свое превосходство одним военнослужащим над другим, заканчивается оскорблением, нанесением побоев, а иногда и более тяжкими последствиями.

К тому же, статья 335 УК РФ считается очень коварной, так как преступление считается оконченным с момента совершения нарушения уставных правил взаимоотношений, даже если насилие было только физическим или психологическим, а также с момента совершения насилия или угрозы его применения.

Тщательнейшее и доскональное расследование, сбор и обобщение доказательств, опрос свидетелей, если таковые имеются, должны быть положены в основы проводимых первичных мероприятий, так как нередко со стороны сослуживцев имело место оговора по применению к ним неуставных взаимоотношений со стороны не виновных военнослужащих.

В том же случае, если вина установлена и доказана, то по части 1 статьи 335 предусмотрено наказание до двух лет содержания в дисциплинарной воинской части, а по части 3 статьи 335-наказываются до десяти лет лишением свободы [4]. По данной статье, на мой взгляд, предусмотрены по сегодняшним меркам довольно «мягкие» санкции. К тому же, осужденным предоставляется возможность вместо реального отбывания срока заключить контракт и принять участие в специальной военной операции с целью демилитаризации и денацификации Украины. Многие заключенные соглашались служить Родине, но часто, это «билет» в один конец...

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 (ред. от 24.06.2025) "Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации" (вместе с "Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации", "Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации", "Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации") [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/5d18dd2c35bf757423c29f71a382808228cfc6af (дата обращения 01.11.2025).

2. Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 (ред. от 24.06.2025) "Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации" (вместе с "Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации", "Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации", "Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации") [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/4436218ef33062681ce5d03cd1e537c9d732f29d (дата обращения 01.11.2025).
3. Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 (ред. от 24.06.2025) "Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации" (вместе с "Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации", "Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации", "Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации") [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/5d18dd2c35bf757423c29f71a382808228cfc6af (дата обращения 01.11.2025).
4. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/46313b707c96ea95181a785538e1a53dc8505d84 (дата обращения 03.11.2025).

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА НАЛОГОВЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Ларина Александра Валерьевна

студент,
кафедра юриспруденции,
Московский финансово-юридический
университет МФЮА,
Калининградский филиал,
РФ, Калининград

THE PROBLEM OF DETERMINING THE SUBJECT OF TAX OFFENSES

Larina Alexandra Valeryevna

Student,
Department of Law,
Moscow University of Finance and Law MFUA
Kaliningrad Branch,
Russia, Kaliningrad

Аннотация. В данной статье поднимаются вопросы проблемы определения субъекта налоговых правонарушений. В статье рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся определения субъекта в разных отраслях права, характеристики и виды, противотечения в статьях Налогового кодекса.

Abstract. This article raises the issue of determining the subject of tax offenses.

The article discusses some issues related to the definition of a subject in different branches of law, characteristics and types, and counter-currents in the articles of the Tax Code.

Ключевые слова: субъекты налоговых правонарушений, деликтоспособность, невменяемость, группы субъектов налоговых правонарушений, налоговый кодекс, административное право, уголовное право.

Keywords: subjects of tax offenses, delictibility, insanity, groups of subjects of tax offenses, tax code, administrative law, and criminal law.

Субъект налогового правонарушения

Субъект – в юриспруденции выработано свое собственное понятие субъекта, специфичное для конкретных задач юридической науки. Субъект – это не только юридическая, но также и философская категория.

В данной статье мы будем обращаться ко многим определениям общетеоретических разработках, так как определение «Субъект правонарушения» является межотраслевой категорией.

Для примера, понятие «налоговый агент» используется также в уголовном праве при описании составов преступлений, а не только в налоговом праве. Понятие «должностное лицо» использует как уголовное, так и административное право. Понятие «организации», «юридические лица» описываются в Гражданском кодексе Российской Федерации, и так далее.

Конечно, в каждой отрасли права и соответствующей юридической науке существуют свои особенности в определениях субъектов права, но все категории субъектов объединяют ряд общих характеристик и признаков.

Субъект получает необходимую информацию о правовых нормах в социуме, понимает и осознает их, формирует к ним определенное психическое отношение, которое затем находит свое отражение и выражение в его поведении: правомерном или противоправном.

При этом субъект должен обладать способностью осознавать психические процессы, социальные процессы. Субъект должен обладать свободной волей. Только волевые и осознанные действия могут характеризовать субъекта любого правонарушения, в том числе и налогового.

Таким образом, одной из характеристик субъекта налогового правонарушения становится значение наличия деликтоспособности, способность лица нести юридическую ответственность за свои правонарушения в сфере налогообложения.

Налоговый кодекс дает ряд общих положений, касающихся характеристик субъекта налогового правонарушения.

В статье 107 «Лица, подлежащие ответственности за совершение налоговых правонарушений» Налогового кодекса указывается, что «ответственность за совершение налоговых правонарушений несут организации и физические лица в случаях, предусмотренных главами 16 и 18 настоящего Кодекса».

Таким образом, законодатель указал две группы субъектов: физических лиц и юридических лиц. В пункте 2 указанной статьи он определил возраст, с которого наступает налоговая ответственность – «Физическое лицо может быть привлечено к ответственности за совершение налоговых правонарушений с шестнадцатилетнего возраста».

В подпункте 2 пункта 1 статьи 109 «Обстоятельства, исключающие привлечение лица к ответственности за совершение налогового правонарушения» еще раз уделяется внимание на возрасте, с которого наступает налоговая ответственность, указывая в качестве одного из обстоятельств, исключающих привлечение лица к ответственности за совершение налогового правонарушения следующее: «совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, физическим лицом не достигшем к моменту совершения деяния шестнадцатилетнего возраста».

Статья 21 Уголовного кодекса Российской Федерации содержит в себе определение «невменяемость». Налоговый кодекс такой статьи не содержит, но в нем предусмотрена статья 111 «Обстоятельства, исключающие вину лица в совершении налогового правонарушения».

В качестве одного из обстоятельств законодатель называет «совершение деяния, содержащего признаки налогового правонарушения, физическим лицом, находившимся в момент его совершения в состоянии, при котором это лицо не могло отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими вследствие болезненного состояния (указанные обстоятельства доказываются предоставлением в налоговый орган документов, которые по смыслу, содержанию и дате относятся к тому налоговому (расчетному) периоду, в котором совершено налоговое правонарушение)». Из данного пункта статьи следует, что сам налогоплательщик должен предоставить соответствующие документы.

Но согласно п.6 статьи 108 Налогового кодекса «Общие условия привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения», а именно «Лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать свою невиновность в совершении налогового правонарушения. Обязанность по доказыванию обстоятельств, свидетельствующих о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы».

Неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к ответственности, толкуются в пользу этого лица».

Также в статье 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях указывается «Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, считается невиновным, пока его вина не будет доказана в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, и установлена вступившим в законную силу постановлением суда, органа, должностного лица, рассмотревших дело. Лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность, за исключением случаев, предусмотренных примечанием к настоящей статье».

Закон говорит об обязанности налоговых органов доказывать виновность, но умалчивает об обязанности доказывать невиновность субъекта.

Конституционный суд РФ в одном из своих определений указал на общеправовое значение презумпции невиновности, а также на обязанность компетентных органов доказывать не только виновность, но и невиновность субъекта.

Как разъяснено в Постановлении ФАС Московского округа от 25.10.2012 N А40-124075/11-90-514, в процессе правоприменительной практики недопустимо расширять сферу действия норм о налоговой ответственности.

Согласно правовой позиции КС РФ, отраженной в Постановлении от 12.05.1998 N 14-П, меры взыскания за налоговое правонарушение должны применяться с учетом характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных существенных обстоятельств деяния.

Аналогичная позиция изложена в Постановлении ФАС Центрального округа от 23.12.2008 N А48-1847/08-2. Как следует из правовой позиции КС РФ, изложенной в Определениях от 18.06.2004 N 201-О, от 04.07.2002 N 202-О, суд при рассмотрении дел, связанных с привлечением налогоплательщиков к налоговой ответственности, не может ограничиться формальной констатацией лишь факта нарушения им обязанности, не выявляя иные связанные с ним обстоятельства, в том числе наличие или отсутствие вины соответствующих субъектов, в какой бы форме она ни проявлялась.

На это указал ФАС Московского округа в Постановлении от 11.07.2012 N А40-124838/11-75-497.

Как разъяснено в Постановлении Президиума ВАС РФ от 09.12.2008 N 8551/08, в соответствии с пунктом 3 статьи 108 НК РФ налоговый орган не вправе предпринимать действия по взысканию штрафов, начисленных за совершение налогового правонарушения, при наличии приговора суда общей юрисдикции о привлечении налогоплательщика к уголовной ответственности. Суд пришел к выводу, что, поскольку следственным органом из предъявленного обвинения была исключена часть доначисленной по результатам проверки недоимки, она не подлежала взысканию налоговым органом.

Исходя из предусмотренного законодательством принципа возложения бремени доказывания факта совершения налогового правонарушения и вины налогоплательщика на налоговый орган (пункт 6 статьи 108 НК РФ) последний в целях привлечения налогоплательщика к налоговой ответственности и взыскания недоимки по налогам и соответствующих пеней обязан представить суду доказательства того, что предусмотренная налогоплательщиком организация хозяйственной деятельности нарушает нормы законодательства о налогах и сборах.

Подобная позиция отражена в Постановлении ФАС Западно-Сибирского округа от 19.06.2006 N Ф04-3537/2006(23525-А46-14).

Ни налоговое, ни административное законодательство не содержит положения, что привлечение физических лиц к ответственности за налоговые правонарушения освобождает их от административной ответственности. Однако если налоговая и административная ответственность – это разные виды ответственности, то ничто не препятствует привлекать физических лиц к ответственности и в соответствии с налоговым, и в соответствии с административным законодательством.

Например, статьей 15.5 КоАП РФ устанавливается, что нарушение установленных законодательством о налогах и сборах сроков представления налоговой декларации в налоговый орган по месту учета влечет предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от трехсот до пятисот рублей.

Согласно пункту 1 статьи 119 НК РФ непредставление в установленный законодательством о налогах и сборах срок налоговой декларации в налоговый орган по месту учета влечет взыскание штрафа в размере 5 процентов не уплаченной в установленный законодательством о налогах и сборах срок суммы налога, подлежащей уплате (доплате) на основании этой декларации, за каждый полный или неполный месяц со дня, установленного для ее представления, но не более 30 процентов указанной суммы и не менее 1000 рублей.

Из положений статьи 2.4, примечания к статье 15.3, статьи 15.5 КоАП РФ следует, что в статье 15.5 КоАП РФ предусмотрена ответственность руководителя организации-

налогоплательщика за нарушение установленных законодательством о налогах и сборах сроков представления налоговой декларации в налоговый орган, которое явилось следствием неисполнения либо ненадлежащим исполнением им своих служебных обязанностей.

Организация как юридическое лицо, а также налогоплательщики – физические лица и индивидуальные предприниматели за нарушение сроков подачи налоговой декларации несут ответственность в соответствии со статьей 119 НК РФ.

Таким образом, индивидуальный предприниматель за непредставление налоговой декларации может быть привлечен только к налоговой ответственности в соответствии со статьей 119 НК РФ.

В настоящее время уже образовалась, противоречащая Конституции РФ, Налоговому кодексу РФ, решениям Конституционного суда практика, согласно которой налогоплательщик сам представляет документы, доказывающие его невиновность и невозможность исполнить налоговую обязанность.

Законодатель в статье 111 Налогового кодекса попытался сформулировать критерии невменяемости, но как показывает судебная практика, что сделал это не совсем удачно. В данной статье указывается о «состоянии, при котором это лицо не могло отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими вследствие болезненного состояния».

Субъект либо осознает, либо не осознает характер совершаемых действий, но не выстраивает внутренний психологический отчет сам себе, а уж тем более не составляет его в письменной форме.

Кроме того, формула «не могло отдавать отчет» не согласуется с понятием умысла или неосторожности, даваемом в Налоговом кодексе.

В сравнении с Налоговым кодексом в Уголовном кодексе законодатель детально указал различные патологические психические состояния, а не ограничился формулировкой «вследствие болезненного состояния».

С позиции юридической техники более выверенной выглядит статья 2.8 «невменяемость» Кодекса об административных правонарушениях: «Не подлежит административной ответственности физическое лицо, которое во время совершения противоправных действий (бездействия) находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать фактический характер и противоправность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики.»

В данной статье законодатель вполне корректно расписал как медицинские, так и юридические критерии невменяемости.

И рассмотренных различных определений невменяемости, сформулированных в указанных нами нормативных правовых актах, можно сделать вывод, что законодатель по-разному описывает юридический и медицинский критерии.

Между тем, мы имеем дело с одним и тем же определением, которое должно быть идентичным для отраслей права. Ввиду этого законодателю необходимо провести комплексные изменения, унифицировать определение в различных нормативных правовых актах.

На данном этапе мы предлагаем изменить статью 111 Налогового кодекса

Произведем анализ субъектов конкретных составов налоговых правонарушений. Субъектом налогового правонарушения, предусмотренного ст. 116 НК РФ выступают налогоплательщики, то есть физические и юридические лица. Аналогичный субъект и у состава, предусмотренного п. 1 ст. 119, а пункт 2 законодатель выделил в зависимости от особенностей субъекта, которым является управляющий товарищ финансового инвестиционного товарищества. Налогоплательщики, то есть физические и юридические лица, являются субъектами грубого нарушения правил учета доходов и расходов (ст. 120 НК РФ). Аналогичное можно отметить и о неуплате или неполной уплате сумм налога (ст. 122 НК РФ).

Статья 122.1 НК РФ в качестве субъекта налогового правонарушения называет участника консолидированной группы налогоплательщиков, которым может выступать только

юридическое лицо. В статье 126 НК РФ в качестве субъекта законодатель называет налогоплательщика, плательщика сбора, налогового агента.

В качестве налогоплательщика, плательщика сборов могут выступать как физические, так и юридические лица, а налоговым агентом по смыслу данной статьи только юридические лица.

Из самого названия статьи 126.1 («представление налоговым агентом налоговому органу документов, предусмотренных настоящим Кодексом, содержащих недостоверные сведения») вытекает, что субъектом является только налоговый агент. Неправомерное несообщение сведений налоговому органу (ст. 129.1 НК РФ) может быть совершено физическим лицом, юридическим лицом, в том числе и налоговым агентом.

Субъектами налоговых правонарушений, предусмотренных статьями 129.2 – 129.6 НК РФ, выступают как физические, так и юридические лица. Во введении в качестве одной из задач мы указывали, что стремимся выявить общие признаки субъекта налоговых правонарушений.

Детальное изучение понятий «налогоплательщик», «юридическое лицо» и так далее не является предметом нашего исследования. В завершение статьи сделаем вывод. 1. Законодателю необходимо унифицировать характеристики невменяемости, даваемые в Налоговом кодексе РФ, Уголовном кодексе РФ, Кодексе об административных правонарушениях. Они не могут быть различными в отраслях права, относящихся к публично-правовому блоку.

Список литературы:

1. Дементьев И.В. Налоговые правонарушения и налогово-правовая ответственность: Учебное пособие. -М.: РАП,2014-336с
2. Налоговое право: учебник для бакалавров/Ю.А. Крохина. -М.: Издательство Юрайт, 2012. -451с.
3. Налоговый кодекс (часть первая) N 146-ФЗ, ст. 107 НК РФ <https://www.zakonrf.info/nk/107/>
4. Особенности правового статуса налоговых органов в сфере финансовой безопасности государства: монография/Н.Н.Косаренко. -М.: ЮСТИЦИЯ,2016. -212 с.
5. Панкова О.В. Административная ответственность за налоговые преступления: проблемы и судебная практика применения КоАП РФ // Журнал российского права. 2004. № 1.

ДИСБАЛАНС ПРАВ ДОЛЖНИКА И КРЕДИТОРОВ В ПРОЦЕДУРЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Латышев Кирилл Константинович

магистрант

ФГБОУ ВО Университет Дубна,

РФ, г. Дубна

Михайлов Филипп Николаевич

научный руководитель,

доцент

ФГБОУ ВО Университет Дубна,

РФ, г. Дубна

IMBALANCE OF THE DEBTOR'S AND CREDITORS' RIGHTS IN THE SUPERVISION PROCEDURE

Latyshev Kirill Konstantinovich

Master's Student

Dubna University,

Russia, Dubna

Mikhailov Filip Nikolaevich

Scientific advise,

Associate Professor,

Dubna University,

Russia, Dubna

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы соотношения прав и обязанностей должника и кредиторов в процедуре наблюдения в рамках дела о банкротстве юридического лица. Анализируются ситуации, при которых проявляются ущемления прав сторон, а также последствия подобных проявлений. Особое внимание уделяется особенностям проведения первого собрания кредиторов.

Автор исследует вопрос через призму применения закона в целях достижения наиболее положительного экономического эффекта, который может быть получен в результате процедуры банкротства должника, несостоятельность которого еще не установлена. В статье также затрагивается проблема злоупотребления прав со стороны должника, его контролирующих лиц в целях сохранения имущества, подлежащего включению в конкурсную массу должника, приводящее к причинению вреда кредиторам. Предлагаются меры по пресечению подобного поведения.

Abstract. The article deals with the relationship between the rights and obligations of the debtor and creditors in the supervision procedure in the case of bankruptcy of a legal entity. Situations in which the rights of the parties are violated, as well as the consequences of such manifestations, are analyzed. Special attention is paid to the characteristics of the first meeting of creditors. The author explores the issue through the lens of application of the law in order to achieve the most positive economic effect that can be obtained as a result of bankruptcy proceedings of the debtor whose insolvency has not yet been established. The article also addresses the problem of abuse of rights by the debtor, its controlling persons in order to preserve the assets subject to the debtor's bankruptcy, resulting in harm to creditors. Proposed measures to curb such behaviour.

Ключевые слова: банкротство, процедура наблюдения, первое собрание кредиторов, причинение вреда кредиторам, соотношение прав и обязанностей должника и кредиторов.

Keywords: bankruptcy, supervisory procedure, first meeting of creditors, damage to creditors, relationship between the rights and obligations of the debtor and creditors.

Наблюдение – это процедура, которая применяется только в деле о банкротстве юридического лица. В данной статье предпринята попытка провести анализ положений действующего законодательства, регулирующего порядок осуществления данной процедуры. Главная задача – выявить пробелы, противоречия и иные недостатки существующих положений, а также предложить возможный путь решения сложившихся проблем посредством внесения изменений в действующие нормативно правовые акты.

Прежде чем начать рассуждение, в первую очередь, стоит определить субъектов, которые могут стать инициаторами в возбуждении дела о банкротстве. Обратимся к ст. 7 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025) (далее – Закон о банкротстве) [1], в пункте 1 указанной статьи исчерпывающим образом приведен перечень таких субъектов. И так, к ним относятся: должник, конкурсный кредитор, уполномоченные органы, а также работник, бывший работник должника, имеющие требования о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда. Согласно ст. 2 Закона о банкротстве наблюдение как процедура банкротства применяется к должнику в целях обеспечения сохранности имущества должника, проведения анализа его финансового состояния, составления реестра требований кредиторов и проведения первого собрания кредиторов [2 с. 64].

Право на обращение в арбитражный суд у данных субъектов, за исключением должника, возникает после вступления в законную силу решения суда о выдаче исполнительного листа, дающего право принудительно взыскать с должника невыплаченные им денежные суммы. При этом следует отметить, что Верховный Суд РФ ввел повышенные стандарты доказывания по спорам о включении долга в реестр требований кредиторов в процедуре банкротства: кредитор должен доказать свое притязание на уровне стандарта «ясные и убедительные доказательства». Если же кредитор, вступающий в реестр, аффилирован с должником, он, чтобы успешно доказать реальность сделки, лежащей в основании заявления, и вовсе должен выполнить стандарт «вне разумных сомнений» [3 с. 139]. Данное положение очень важно, поскольку редко какое банкротство не сопровождается нарушением прав кредиторов должника. Столько же, сколько известно банкротство, существуют и подложные требования, за которыми прячется сам должник. Денежному требованию такого фиктивного кредитора, с которым должник вступает в мошеннический сговор, в действительности не противопоставляется оказание должнику услуг, выполнение работ или передача вещи, но составляются поддельные документы, показывающие видимость такой передачи. То есть действительные, настоящие требования кредиторов размываются поддельными, мнимыми, мошенническими [4 с. 108].

Если говорить о должнике, как о субъекте, способном стать инициатором банкротства, ситуация выглядит несколько интересней, чем с иными субъектами, поскольку у должника есть не только право обратиться с соответствующим заявлением в арбитражный суд, но и обязанность, за невыполнение которой руководитель должника и (или) иные контролирующие должника лица, которые обладают правомочиями на принятие решения о ликвидации юридического лица и (или) обладающие правом на созыв внеочередного собрания акционеров (участников) юридического лица, и на которых в соответствии с Законом о банкротстве может быть возложена обязанность обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом, в последствие могут быть привлечены к субсидиарной с должником ответственности. Обязанность обратиться в арбитражный суд возникает при наступлении неблагоприятных для должника последствий, которые выражены в неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества, как следствие, неспособности выполнить обязательства, возникшие перед другими участниками хозяйственной деятельности. Разница между правом и обязанностью состоит лишь в том, что право у должника возникает до наступления срока исполнения обязательств, когда должник понимает, что обязательства исполнены быть не смогут. Право превращается в обязанность после наступления срока исполнения обязательств. Однако

и в том и другом случае должник должен обладать признаками, позволяющими сделать вывод о его несостоятельности.

При рассмотрении заявления о признании должника банкротом суд лишь может найти его обоснованным или не обоснованным, для чего будет проанализирован размер задолженности: превышает ли он два миллиона рублей или нет, а также срок, когда задолженность должна была быть уплачена. Если размер задолженности превышает два миллиона рублей, а обязанность не исполнена более чем три месяца с даты, когда она должна была быть исполнена, суд находит заявление обоснованным и принимает решение о введении в отношении должника процедуры наблюдения, результатом которой и станет окончательный вывод о финансовом состоянии должника.

Вся суть процедуры наблюдения сводится к тому, чтобы по ее окончании было возможно принять решение о дальнейшей судьбе должника: в зависимости от результатов финансового анализа, которые позволяют ответить на вопрос возможно ли восстановление платежеспособности должника. Если существует такая возможность, то должно присутствовать понимание того, при помощи каких мер эта цель может быть достижима. В зависимости от данных обстоятельств арбитражным судом принимается решение о введении иной применяемой в деле о банкротстве процедуры. Поскольку наиболее частым исходом наблюдения является вывод о недостаточности имущества должника и о невозможности восстановления его платежеспособности, чаще всего встречающаяся процедура, следующая за наблюдением – это процедура конкурсного производства. Однако смысл данного механизма заключается не только в том, чтобы проводить анализ состояния и обеспечивать возможность принятия дальнейшего решения. Закон делает попытку предупредить возможность совершения злоупотреблений со стороны должника и накладывает определенные ограничения на возможность осуществления им хозяйственной деятельности и вводит в процесс управления должником специального субъекта, стороннего наблюдателя, наделая его обязанностями по обеспечению сохранности имущества, по контролю за деятельностью должника путем наделения его правом проводить анализ бухгалтерских документов должника и возможностью сковывать его деятельность определенными способами.

Под таким лицом подразумевается арбитражный управляющий – лицо, обладающее особым статусом, по сути, осуществляющее полное сопровождение всего процесса банкротства, призванный обеспечивать баланс интересов должника и кредиторов. В процедуре наблюдения данный субъект именуется как временный управляющий.

Вернемся к наблюдению, ограничения и обязанности должника на данном этапе банкротства регламентированы в ст. 64 Закона о банкротстве. Так, например, на должника возлагается обязанность передать временному управляющему всю бухгалтерскую отчетность за последние три года до введения процедуры. Некоторые сделки должник может осуществлять только с согласия управляющего, а на какие-то действия вообще наложен запрет. К примеру, должник не может принять решение о реорганизации или о распределении прибыли между участниками и акционерами. Также, интересной, на наш взгляд, обязанностью руководителя должника является обязанность в течение десяти дней с начала наблюдения обратиться к учредителям (участникам) должника с предложением провести общее собрание учредителей (участников) должника или к собственнику имущества должника – унитарного предприятия для рассмотрения вопросов об обращении к первому собранию кредиторов должника с предложением о введении в отношении должника финансового оздоровления.

Теперь целесообразно рассмотреть обязанность арбитражного управляющего по формированию реестра требований кредиторов, через нее реализуется одна из главных задач процедуры наблюдения. Формирование реестра также необходимо для проведения первого собрания кредиторов, которое является обязательным для проведения в данной процедуре. На данном собрании должен решиться вопрос о дальнейших действиях, которые будут предприняты в отношении должника [5 с. 23]. Особенности проведения и компетенции первого собрания кредиторов определены в статьях 72 – 74 Закона о банкротстве. Рассматривая указанные статьи следует отметить, что ст. 72 «Созыв первого собрания кредиторов» определяет лиц, обладающих правом влиять на принятие решений, перечень которых определен в ст. 73 «Компетенция первого собрания

кредиторов», а также лиц, у которых право голоса отсутствует. Таким образом к числу лиц, которые право голоса не имеют, относятся: руководитель должника, представитель учредителей (участников) должника или представитель собственника имущества должника – унитарного предприятия, представитель работников должника и представитель органа по контролю (надзору). На наш взгляд, данные нормы закона создают дисбаланс между правами должника и кредиторов, поскольку суровость окружающей нас действительности заключается в том, что злоупотребления могут возникать как с одной, так и с другой стороны. Речь идет о том, что злоупотреблять своими правами или же правом, в целом, могут, как показывает практика, и должники, и кредиторы. По той причине, что к компетенции кредиторов относятся такие важные вопросы, как принятие решения о введении следующей применяемой в деле о банкротстве процедуры, а также о выборе кандидатуры арбитражного управляющего или саморегулируемой организации, из числа членов которой будет выбран кандидат, а также по той причине, что руководитель должника, учредители должника, их представители, собственники имущества унитарного предприятия могут быть заинтересованы в том, чтобы процедура банкротства была реализована эффективно, данная норма, на наш взгляд, нарушает права этих лиц. Первое собрание кредиторов правомочно решать и другие задачи, однако, именно невозможность высказывать свое мнение по вышеуказанным вопросам, а именно по вопросам, принятие решения по которым может повлиять на дальнейшую судьбу должника, непосредственно нарушает права тех лиц, которые на стороне должника выступают. Так, например, учредители должника, собственники имущества унитарного предприятия могли бы заявлять о целесообразности введения той или иной процедуры по результатам наблюдения, а также участвовать в выборе кандидатуры арбитражного управляющего. В том случае, если все остальные участники собрания кредиторов занимают иную позицию по рассматриваемому на собрании вопросу, указанные лица могли бы высказывать особое мнение, которое должно быть включено в протокол первого собрания кредиторов и приложено управляющим к соответствующему ходатайству, которое он направляет в суд по результатам первого собрания кредиторов. Справедливо также обозначить, что право на особое мнение должен иметь каждый участник собрания кредиторов, обладающий, в соответствии с законом, правом голоса. Таким образом, в целях обеспечения баланса интересов должника и кредиторов в процедуре наблюдения следует внести изменения в пункт 3 статьи 72 «Созыв первого собрания кредиторов» Закона о банкротстве и изложить этот пункт в следующей редакции:

3. В первом собрании кредиторов принимают участие *руководитель должника, представитель учредителей (участников) должника или представитель собственника имущества должника – унитарного предприятия, с правом голоса по вопросам о выборе следующей применяемой в деле о банкротстве процедуры; об определении кандидатуры арбитражного управляющего или саморегулируемой организации, из числа членов которой должен быть утвержден арбитражный управляющий; а также об определении дополнительных требований к кандидатурам административного управляющего, внешнего управляющего, конкурсного управляющего; представитель работников должника и представитель органа по контролю (надзору) правом голоса не обладают. При этом, отсутствие указанных лиц, в том числе лиц, выступающих на стороне должника, не является основанием для признания первого собрания кредиторов недействительным.*».

Представитель работников должника правом голоса не наделен, поскольку интересы данной группы лиц более надежно защищены законом, в связи с тем, что выплаты задолженностей по заработной плате и выходных пособий осуществляются в приоритетном порядке. Интересы органов контроля (надзора) не затрагиваются вовсе.

Внося подобное изменение в законодательство, предполагается исходить из того, что те лица, которые выступают на стороне должника, будут действовать добросовестно. Однако, как уже было отмечено выше, злоупотребления могут встречаться с любой из сторон. В этой связи предлагается предусмотреть механизм, который бы лишал права голоса данных лиц в том случае, если имело место быть действие должника, направленное на причинение ущерба кредиторам: будь то сделка с предпочтением или попытка сокрыть имущество или документы.

Подобные действия должны порождать презумпцию недоверия к должнику и лишать его права на решение вопросов, могущих повлиять на его дальнейшую судьбу.

Подобный механизм возможно реализовать, дополнив ст. 72 «Созыв первого собрания кредиторов» Закона о банкротстве пунктом 3.1. Изложить данный пункт предлагается в следующей редакции:

3.1. В случае привлечения должника и (или) контролирующих его лиц к административной ответственности, а также в случае привлечения контролирующих должника лиц к уголовной ответственности за нарушения законодательства о банкротстве, а также при наличии вступившего в законную силу судебного акта о признании сделки недействительной в связи предпочтением одному или нескольким кредиторам, или если сделка совершена в целях причинения вреда интересам кредиторов, представители должника лишаются права голоса на первом собрании кредиторов.»

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что особое влияние на эффективность экономической политики имеет институт банкротства [6 с. 115]. При этом, процедура наблюдения является обязательной по той причине, что требования для признания должника банкротом носят формализованный характер, отсутствие процедуры наблюдения способствовало бы возникновению различного рода злоупотреблений, в частности, со стороны недобросовестных кредиторов, желающих навредить своим контрагентам. Процедура наблюдения позволяет подробно изучить деятельность организации прежде, чем делать вывод о ее несостоятельности. Во многом этому способствует финансовый анализ. Объем прав и обязанностей участников процедуры во многом обусловлен спецификой сложившейся ситуации: права должника ограничены в целях обеспечения прав кредиторов, поскольку права последних оказались нарушенными. Речь идет о правах, вытекающих из обязательств должника перед кредиторами. Но, на наш взгляд, наделение добросовестного должника возможностью принимать участие в управлении процедурой банкротства, способствовало бы увеличению наиболее полного удовлетворения кредиторами своих требований. Поскольку несостоятельность может иметь объективный характер или зависеть от временных неудачных для бизнеса условий, добросовестный руководитель или иное контролирующее должника лицо может принять деятельное участие в исправлении сложившейся ситуации, что, в свою очередь, может положительно сказаться на динамике применения реабилитационных процедур.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (последняя редакция) «О несостоятельности (банкротстве)».
2. Иванова С. П., Земляков Д. Н., Баранников А. Л. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: Учебное пособие. Юстиция, М., 2024. С. 201.
3. Платонова Н.В. К вопросу о дифференциации стандартов доказывания по гражданским делам // Правоприменение. 2025. N 3. С. 134-143.
4. Мифтахутдинов Р.Т. Ограниченная относительность судебного акта при банкротстве: как добросовестным кредиторам защититься от необоснованного требования, подтвержденного судебным актом / Р.Т. Мифтахутдинов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – N 4. – С. 104-125.
5. Кочарян, В. Ю. Проблемы, возникающие в ходе процедуры наблюдения в деле о несостоятельности (банкротстве) юридического лица / В. Ю. Кочарян. – Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. – 2025. – № 4 (11). – С. 22-25.
6. Стельмах А.В. Процедура установления требований кредиторов в банкротстве: актуальные проблемы / А.В. Стельмах, А.А. Есманский // Арбитражные споры. – 2024. – N 3. – С. 105-122.

О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рудова Виктория Сергеевна

студент,
кафедра гражданского права,
Сибирского юридического университета,
РФ, г. Омск

ON ABUSE OF RIGHTS IN CIVIL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Rudova Victoria

Student,
department of civil law,
Siberian Law University,
Russia, Omsk

Аннотация. Данная статья рассматривает институт злоупотребления правом, закрепленный в статье 10 ГК РФ, являющийся ключевым элементом системы обеспечения добросовестности в частноправовых отношениях, а также посвящена анализу проявлений злоупотребления правом в рамках гражданского процессуального механизма, рассматривая, как доктрина материального права трансформируется в процессуальные нарушения и какие последствия это влечет для правосудия.

Abstract. This article examines the concept of abuse of rights, enshrined in Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation, which is a key element of the system of ensuring good faith in private law relations. It also analyzes manifestations of abuse of rights within the framework of the civil procedural mechanism, considering how the doctrine of substantive law is transformed into procedural violations and what consequences this entails for justice.

Ключевые слова: злоупотребление правом, добросовестность.

Keywords: abuse of rights, good faith.

Принцип добросовестности является одним из основополагающих начал гражданского законодательства (ст. 1 ГК РФ). Его реализация не ограничивается стадией материальных правоотношений, но распространяется и на стадию их судебной защиты. Злоупотребление правом в гражданском процессе – это осуществление процессуальных прав (право на иск, право на подачу жалобы, заявление ходатайства) с недобросовестной целью, противоречащей назначению данного процессуального института, и направленной на нарушение прав других лиц или затягивание процесса [1].

Хотя ГК РФ устанавливает материально-правовой запрет на злоупотребление (ст. 10), процессуальное законодательство (Гражданский процессуальный кодекс РФ – ГПК РФ) содержит нормы, направленные на пресечение таких действий в ходе судебного разбирательства [2].

Злоупотребление правом в гражданском процессе имеет специфические формы, отличные от злоупотребления правом в материальной сфере (например, причинение вреда через сделку). В процессе основным объектом злоупотребления становятся сами процессуальные инструменты.

Специфика института злоупотребления правом в гражданском процессе предопределяет особые механизмы противодействия. При этом в доктрине к ним относят легально не определенные в качестве таковых, и, более того, выдвигаются предложения о дискреции мер воздействия, исходя из сущности установленного судом противоправного действия (бездействия) и его результата. Например, если злоупотребление повлекло затягивание процесса, то предлагается применять такие последствия, направленные на его ускорение, как рассмотрение дела в

отсутствие неявившейся стороны, извещенной надлежащим образом, применение положений о заочном производстве, наложение обеспечительных мер [3].

В отличие от материального права, где последствием злоупотребления может быть отказ в защите права, в процессе применяются более оперативные меры, направленные на восстановление процессуального порядка, например, применение судебных штрафов (в соответствии со статьей 119 ГПК РФ, за неисполнение обязанностей, предусмотренных статьей 11 ГПК РФ (в том числе за злоупотребление), суд может наложить судебный штраф), отказ в удовлетворении ходатайств (суд обязан отказывать в удовлетворении ходатайств, если они явно направлены на злоупотребление процессом) либо отказ в защите права (если суд установит, что само материальное право было реализовано недобросовестно (ст. 10 ГК РФ), он выносит решение об отказе в иске, несмотря на формальное наличие права).

Интеграция принципа добросовестности в гражданский процесс РФ через статьи 1 и 10 ГК РФ, а также статью 11 ГПК РФ, позволяет судебной системе эффективно противодействовать попыткам использовать процессуальные инструменты не по назначению. Злоупотребление правом в гражданском процессе – это не только вопрос соблюдения формальных норм, но и вопрос поддержания доверия к правосудию через обеспечение разумного и справедливого разрешения споров. Эффективное выявление и пресечение таких злоупотреблений является одной из важнейших задач современного судопроизводства [4].

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // "Собрание законодательства РФ", 05.12.1994, N 32, ст. 3301;
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС «Консультат Плюс»;
3. Баганова С.В. Злоупотребление процессуальными правами как основание возникновения ответственности в гражданском процессе // Байкальский исследовательский журнал. 2023. Т. 14. № 2. С. 758;
4. Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве // Legal Concept. 2013. № 3 (20). С. 45.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВНЕСУДЕБНЫХ ФОРМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Румянцева Софья Андреевна

студент

*кафедры Государственно-правовых
и финансово-правовых дисциплин*

*Аккредитованного образовательного частного
учреждения высшего образования Московского
финансово-юридического университета МФЮА,
РФ, г. Москва*

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF EXTRAJUDICIAL FORMS OF PROTECTION OF ENTREPRENEURS' RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Rumyantseva Sofia Andreevna

Student of the Department of State Legal

and Financial Legal Disciplines

*Accredited Educational Private Institution
of Higher Education*

*Moscow Financial and Legal University MFUA,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции развития внесудебных форм защиты прав предпринимателей в Российской Федерации. Проведен анализ нормативной базы, регулирующей досудебный порядок урегулирования споров, медиацию, третейское разбирательство и деятельность Уполномоченного по защите прав предпринимателей. На основе изучения статистических данных и правоприменительной практики выявлены системные проблемы, снижающие эффективность внесудебных процедур. Особое внимание уделено практическим аспектам применения внесудебных форм защиты в предпринимательской среде. В результате исследования разработаны конкретные предложения по совершенствованию законодательства и оптимизации практики применения внесудебных процедур защиты прав предпринимателей, направленные на повышение их доступности и эффективности.

Abstract. The article examines modern trends in the development of extrajudicial forms of protection of entrepreneurs' rights in the Russian Federation. The analysis of the regulatory framework governing pre-trial dispute settlement, mediation, arbitration and the activities of the Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights is carried out. Based on the study of statistical data and law enforcement practice, systemic problems that reduce the effectiveness of extrajudicial procedures are identified. Special attention is paid to practical aspects of the application of extrajudicial forms of protection in the business environment. As a result of the study, specific proposals have been developed to improve legislation and optimize the practice of applying extrajudicial procedures for the protection of entrepreneurs' rights, aimed at increasing their accessibility and effectiveness.

Ключевые слова: защита прав предпринимателей, внесудебные формы защиты, медиация, третейское разбирательство, досудебный порядок, Уполномоченный по защите прав предпринимателей, альтернативные способы разрешения споров.

Keywords: protection of entrepreneurs' rights, extrajudicial forms of protection, mediation, arbitration, pre-trial procedure, Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights, alternative dispute resolution methods.

Введение

В условиях динамичного развития экономических отношений и увеличения количества предпринимательских споров особую актуальность приобретает исследование внесудебных форм защиты прав предпринимателей. Несмотря на постоянное совершенствование судебной системы, сохраняется высокий уровень нагрузки на арбитражные суды, что обуславливает необходимость развития альтернативных способов разрешения споров [1].

Внесудебные формы защиты прав предпринимателей представляют собой совокупность процедур и механизмов, позволяющих разрешать споры без обращения в государственные судебные органы. К ним относятся досудебный порядок урегулирования споров, медиация, третейское разбирательство, обращение в органы прокуратуры и к Уполномоченному по защите прав предпринимателей [2].

Актуальность исследования обусловлена недостаточной эффективностью использования внесудебных процедур в предпринимательской среде. Согласно статистическим данным, лишь около 5% предпринимательских споров разрешаются с использованием медиации, а эффективность досудебного порядка не превышает 40% [3]. В этой связи представляет научный и практический интерес комплексный анализ современного состояния и перспектив развития внесудебных форм защиты прав предпринимателей в Российской Федерации.

1. Теоретические аспекты внесудебной защиты прав предпринимателей

В научной доктрине отсутствует единое понимание содержания категории "внесудебные формы защиты прав". Одни авторы рассматривают их как альтернативу судебной защите [4], другие – как дополнение к судебным процедурам [5]. На наш взгляд, внесудебные формы защиты прав предпринимателей представляют собой урегулированные законом процедуры разрешения споров, осуществляемые без непосредственного участия государственных судебных органов, но санкционированные государством.

К основным признакам внесудебных форм защиты можно отнести:

- добровольность применения (за исключением обязательного досудебного порядка);
- гибкость процедуры;
- конфиденциальность;
- ориентацию на поиск взаимовыгодного решения;
- сокращение временных и материальных затрат [6].

Система внесудебных форм защиты прав предпринимателей включает следующие элементы:

1. Досудебный порядок урегулирования споров
2. Медиация (процедура медиации)
3. Третейское разбирательство
4. Обращение в органы прокуратуры
5. Обращение к Уполномоченному по защите прав предпринимателей
6. Обращение в саморегулируемые организации
7. Нотариальная защита

Особенностью внесудебных форм защиты является их взаимодополняемость и возможность комбинированного применения. Например, медиация может проводиться в рамках досудебного порядка, а решение третейского суда может быть добровольно исполнено сторонами без обращения в государственный суд [7].

2. Современное состояние внесудебных процедур защиты прав предпринимателей

2.1. Досудебный порядок урегулирования споров

Досудебный порядок урегулирования споров является наиболее распространенной внесудебной формой защиты прав предпринимателей. Согласно статье 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [8], для отдельных категорий споров соблюдение досудебного порядка является обязательным.

Анализ практики ООО "Бизнес бюро" показывает, что эффективность досудебного порядка составляет около 40%. Основными проблемами, снижающими его эффективность, являются:

- формальный подход к составлению претензий;
- затягивание сроков рассмотрения претензий;
- отсутствие материальной ответственности за необоснованный отказ от удовлетворения претензий;
- недостаточная правовая грамотность предпринимателей [9].

2.2. Медиация в предпринимательских спорах

Институт медиации регулируется Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" [10]. Несмотря на более чем десятилетнюю историю существования данного института, его популярность среди предпринимателей остается низкой.

По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, в 2023 году было заключено всего 15 238 медиативных соглашений, при этом лишь 20% из них касались предпринимательских споров [11]. Основными причинами низкой популярности медиации являются:

- недостаточная информированность предпринимателей о преимуществах медиации;
- отсутствие налоговых стимулов;
- ограниченное число квалифицированных медиаторов, специализирующихся на предпринимательских спорах;
- недоверие к институту медиации [12].

2.3. Третейское разбирательство

Третейское разбирательство регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" [13]. Несмотря на потенциальные преимущества третейского разбирательства (конфиденциальность, гибкость процедуры, выбор арбитров), его использование в предпринимательской среде ограничено.

Согласно статистике, только 8% предпринимательских споров рассматриваются в третейских судах [14]. Основными проблемами являются:

- сложность принудительного исполнения решений третейских судов;
- высокие costs третейского разбирательства;
- риск отмены решения третейского суда государственным судом;
- ограниченная компетенция третейских судов по отдельным категориям споров [15].

2.4. Деятельность Уполномоченного по защите прав предпринимателей

Институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей был создан в 2013 году [16]. За годы своего существования данный институт доказал свою эффективность в защите прав предпринимателей, особенно в спорах с государственными органами.

По данным отчетов Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, в 2023 году было рассмотрено 68 459 обращений, из которых 42% были удовлетворены полностью или частично [17]. К основным достижениям института можно отнести:

- системную работу по совершенствованию законодательства;
- эффективное взаимодействие с органами государственной власти;
- создание сети региональных уполномоченных;
- разработку методических рекомендаций для предпринимателей [18].

3. Проблемы и перспективы развития внесудебных форм защиты

Проведенный анализ позволяет выявить системные проблемы, сдерживающие развитие внесудебных форм защиты прав предпринимателей:

1. Нормативно-правовые проблемы:

- отсутствие комплексного регулирования внесудебных процедур;

- коллизии между различными нормативными актами;
- недостаточная проработка процедурных вопросов.

2. Организационные проблемы:

- недостаточная инфраструктура для проведения внесудебных процедур;
- нехватка квалифицированных специалистов;
- слабая координация между различными институтами внесудебной защиты.

3. Информационные проблемы:

- низкая осведомленность предпринимателей о возможностях внесудебной защиты;
- отсутствие системной работы по популяризации внесудебных процедур;
- недостаточное освещение успешных примеров применения внесудебных форм защиты.

4. Экономические проблемы:

- отсутствие экономических стимулов для использования внесудебных процедур;
- высокие costs отдельных внесудебных процедур (третейское разбирательство);
- неравенство сторон в спорах с государственными органами [19].

Для решения выявленных проблем предлагаются следующие меры:

1. Совершенствование нормативной базы:

- разработка комплексного федерального закона о внесудебных формах защиты прав предпринимателей;
- устранение коллизий в законодательстве;
- детальная регламентация процедурных вопросов.

2. Развитие инфраструктуры:

- создание центров внесудебного разрешения споров при торгово-промышленных палатах;
- развитие системы онлайн-медиации;
- организация обучения и повышения квалификации медиаторов и третейских судей.

3. Информационное обеспечение:

- проведение информационных кампаний о преимуществах внесудебных процедур;
- создание реестра успешных практик внесудебного разрешения споров;
- разработка методических материалов для предпринимателей.

4. Экономическое стимулирование:

- введение налоговых льгот для участников медиативных процедур;
- установление государственной поддержки для малых предприятий, использующих внесудебные процедуры;
- создание системы страхования рисков при использовании внесудебных процедур [20].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значительном потенциале внесудебных форм защиты прав предпринимателей в Российской Федерации. Однако для его реализации необходима системная работа по совершенствованию нормативной базы, развитию инфраструктуры, информационному обеспечению и экономическому стимулированию.

Перспективы развития внесудебных форм защиты прав предпринимателей связаны с цифровизацией процедур, развитием онлайн-медиации, созданием комплексной системы внесудебного разрешения споров и усилением координации между различными институтами защиты.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность защиты прав предпринимателей, снизить нагрузку на судебную систему и создать благоприятные условия для развития предпринимательской деятельности в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Аболонин Г.О. Защита прав предпринимателей: судебные и внесудебные процедуры. М.: Статут, 2022. 528 с.
2. Андреева Л.В. Защита прав предпринимателей: проблемы теории и практики. М.: Проспект, 2020. 320 с.
3. Аналитическая справка ООО "Бизнес бюро" о категориях дел и обращениях индивидуальных предпринимателей за 2023-2024 гг. М., 2024. 15 с.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
5. Викут М.А., Зайцев И.М. Гражданский процесс России: Учебник. М.: Норма, 2021. 672 с.
6. Доклад Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей о деятельности в 2023 году. М., 2024. 89 с.
7. Карпычев М.В., Хужин А.М. Защита прав и законных интересов предпринимателей: формы и способы // Законодательство и экономика. 2022. № 5. С. 45-58.
8. Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: Учебник. М.: Юрайт, 2023. 478 с.
9. Обзор практики рассмотрения споров с участием предпринимателей за 2023 год // Вестник экономического правосудия РФ. 2024. № 1. С. 34-48.
10. Петросян М.С. Содержание и особенности права предпринимателя на защиту // Предпринимательское право. 2021. № 3. С. 15-22.
11. Решетникова И.В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. М.: Норма, 2019. 416 с.
12. Семенова А.В. К вопросу о классификации форм защиты прав предпринимателей // Арбитражные споры. 2020. № 4. С. 78-92.
13. Статистический сборник Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2023 год. М., 2024. 215 с.
14. Треушников М.К. Гражданский процесс: Учебник для вузов. М.: Городец, 2023. 816 с.
15. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
16. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ "Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.
17. Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ "Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.
18. Фурсов Д.А. Принцип доступности правосудия для предпринимателей: современные вызовы // Вестник экономического правосудия РФ. 2023. № 1. С. 34-48.
19. Ярков В.В. Арбитражный процесс: Учебник для вузов. М.: Статут, 2023. 896 с.
20. Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: <http://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 01.06.2024).

ОСОБЕННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ, ПРИЧИНЕННОГО ЗЕМЕЛЬНЫМ УЧАСТКАМ

Тихомирова Анна Сергеевна

магистрант

ФГБОУ ВО Государственный университет

по землеустройству,

РФ, г. Москва

Аннотация. В статье раскрывается проблема загрязнения земельных участков. Земельный участок – это уникальный природный ресурс, выполняющий природно-ресурсную, экономическую и социальную функцию. Ущерб, наносимый земле, может проявляться в ухудшении плодородия, загрязнении, разрушении почвенного слоя, изменениях рельефа или экосистемы, что затрудняет стандартную оценку имущественного ущерба. Оценка ущерба должна учитывать не только рыночную стоимость земли, но и экологические последствия. Для оценки затрат на восстановление и утрату природных функций используются экспертные знания в области управления земельными ресурсами, экологические и экономические методы. Возмещение вреда, нанесенного земельным участкам, – это сложный комплексный процесс, гармонично сочетающий экологические подходы и юридическую ответственность, основной целью которого является восстановление природной среды и защита земельных ресурсов.

Abstract. The article reveals the problem of land pollution. A land plot is a unique natural resource that performs a natural resource, economic and social function. Damage to land can manifest itself in deterioration of fertility, pollution, destruction of the soil layer, changes in the relief or ecosystem, which complicates the standard assessment of property damage. Damage assessment should take into account not only the market value of the land, but also the environmental consequences. Expert knowledge in the field of land management, environmental and economic methods are used to assess the costs of restoration and loss of natural functions. Compensation for damage caused to land is a complex and complex process that harmoniously combines environmental approaches and legal responsibility, the main purpose of which is to restore the natural environment and protect land resources.

Ключевые слова: земля, земельный участок, окружающая среда, загрязнение, вред, возмещение вреда, ущерб.

Keywords: and, land plot, environment, pollution, harm, compensation, damage.

Согласно действующему законодательству под понятием «земля» понимается не только объект имущества, но и природы. На нее, как и на объект окружающей среды, распространяются особые правила пользования. Законодательная охрана земель как части экосистемы закреплена Федеральным законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее: Закон № 7-ФЗ).

Главная угроза заключается в ее возможной деградации, истощении, а также порчи либо уничтожении.

Земельный кодекс Российской Федерации (далее: ЗК РФ), в свою очередь, также определяет обязанности правообладателей земельных участков и закрепляет основания юридической ответственности за земельные правонарушения.

Правообладатели должны использовать землю в соответствии с ее целевым назначением, а также обеспечивать защиту от нанесения вреда окружающей среде и земле как природному объекту. Обязанность возмещения убытков в связи с нарушением прав собственников либо арендаторов земли установлена в ст. 62, 76 ЗК РФ[1].

Общие основания возмещения причиненного вреда в полном объеме, в том числе и упущенная выгода, определены в ст. 1064 ГК РФ.

Особое внимание законодатель уделяет землям сельскохозяйственного назначения, возможности причинения им вреда путем порчи из-за неправильного обращения с пестицидами либо агрохимикатами в части соблюдения требований Федерального закона от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель» [2].

Вред, причиненный земле, должен быть возмещен виновными лицами в соответствии с нормами земельного законодательства, применяемыми с соблюдением правил, установленных общими нормами гражданского законодательства, регулирующими возмещение ущерба, в том числе внедоговорного вреда.

Для определения размера возмещения вреда применяются утвержденные в установленном порядке таксы и методики исчисления размера вреда (ущерба), причиненного окружающей среде, отдельным компонентам природной среды, в том числе земле.

В соответствии с п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»[3] если определение размера нанесенного ущерба невозможно из-за отсутствия методик его определения, то возмещение вреда может производиться из расчета тех фактических затрат, которые должны быть направлены на восстановление почвы, учитывая также убытки и упущенную выгоду.

Согласно ст. 76 ЗК РФ вред должен быть возмещен в полном объеме.

Как мы уже отмечали, вред, причиненный окружающей среде, может быть возмещен двумя основными способами: в денежной форме или в натуре (то есть восстановление объекта, которому был нанесен вред в его изначальное состояние). Каким образом будет происходить процесс возмещения вреда и в какой форме оно будет производиться указывает истец при составлении искового заявления. Однако, в случаях, когда ответчик соглашается на полное восстановление объекта, то есть на возмещение в натуре, то необходимо выделить критерии и механизм, при помощи которых будет осуществляться этот процесс, а также обозначить сроки выполнения работ по восстановлению.

Расчет размера вреда, который был причинен почвам, осуществляется в соответствии с приказом Минприроды России от 8 июля 2010 г. № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды».

В результате осуществления процедуры возмещения вреда окружающей среде потерпевшей лицо может потребовать от причинителя вреда не только возмещения реального вреда объекту окружающей среды, но и упущенную выгоду, то есть определенные блага, которые мог бы получить владелец объекта окружающей среды в случае, если бы ему не был нанесен ущерб. Так, например, в результате вреда окружающей среде могла пострадать плодородная почва или пастбище, в результате чего владелец фермы потеряет доход. Кроме этого, причинитель вреда может самостоятельно эксплуатировать объект окружающей среды и получать с этого выгоду, которая, в свою очередь, должна быть взыскана в пользу потерпевшей стороны.

Стоит также отметить, что в результате рассмотрения в суде дела о возмещении вреда окружающей среде потерпевшая сторона может заявить о требовании компенсации морального вреда.

Как правило, компенсация морального вреда может быть выплачена в случаях, когда, например, в результате нанесения вреда окружающей среде был причинен вред жизни или здоровью человека, в случаях появления различных неудобств в эксплуатации объекта окружающей среды (нехватка солнечного света, загрязнение почвы, снижение количества питательных веществ и т.д.). В основном для повышения вероятности получения компенсации морального вреда требуются определенные доказательства, например фото или видео материалы, выписки, заключения экспертизы и пр.

Таким образом, на основании гражданского законодательства вред, причиненный земельными правонарушениями, может быть возмещен посредством реального ущерба, упущенной выгоды и морального ущерба.

На практике возмещение вреда в натуре достаточно редко реализуется.

По общему правилу проведение рекультивации означает восстановление земель до состояния, существовавшего до нарушения. В этом случае основания для дополнительного взыскания денежной компенсации отсутствуют, однако зачастую суды ее взыскивают, аргументируя это трудновосполнимыми экологическими потерями.

Нередко вред, причиненный земельными правонарушениями, возмещается в денежной форме в соответствии с таксами и методиками исчисления размера вреда.

Несомненно, что не только защита земель от правонарушений, но и последующее возмещение причиненного вреда требуют особого внимания. Именно земля и плодородный почвенный слой являются основой национальной, экологической и продовольственной безопасности страны, в связи с чем необходима актуализация законодательства в области ее защиты и охраны.

Проблема возмещения вреда, причиненного земле (почве) на практике обусловлена прежде всего пробелами теоретико-правовых положений экологического и земельного законодательства, которые изначально не формулируют понятие вреда как такового. В действующем земельном законодательстве, равно как и в экологическом, имеет место применения терминов «вред», «убытки», «ущерб» как синонимов. Так, например, в п. 1 ч. 2 ст. 57 ЗК РФ закреплено требование по возмещению в полном объеме: убытки, в том числе упущенная выгода, причиненные ухудшением качества земель в результате деятельности других лиц. При этом в п. 1 ст. 76 ЗК РФ юридические лица, граждане обязаны возместить в полном объеме вред, причиненный в результате совершения ими земельных правонарушений. В соответствии со ст. 1 Закона № 7-ФЗ земля и почвы – это компоненты природной среды, которые подлежат охране на основании ст. 4 данного закона.

Исходя из п. 1 ст. 77 Закона № 7-ФЗ, загрязнение почвы, деградация и разрушение естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов могут свидетельствовать о причинении вреда окружающей среде и являться основанием для возмещения указанного вреда.

На основании ст. 1082 ГК РФ возмещение вреда может осуществляться посредством взыскания причиненных убытков и (или) путем возложения на ответчика обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды. Целью ответственности за причинение вреда окружающей среде является достижение компенсации, восстановление ее нарушенного состояния в полном объеме.

Но, как правило, на практике реализовать это достаточно проблематично по причине правовой терминологической путаницы таких понятий, как «компенсация» и «восстановление» земель (почв), о чем свидетельствуют материалы судебной практики в сфере эколого-земельных правонарушений, в частности, «Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды», утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022 г.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующий вывод: действующее законодательство, регулирующее процедуру возмещения вреда земельными правонарушениями не лишено недостатков, так как в нем отсутствует единство и унифицированность, а это, в свою очередь, препятствует качественному применению данных норм на практике.

Исходя из этого, на наш взгляд, стоит нивелировать существующую разрозненность норм, упорядочить нормативно-правовые акты, дать расширенную трактовку используемым в законе терминам с целью снижения случаев неоднозначного их толкования. Указанное нами выше подчеркивает необходимость совершенствования законодательства в сфере земельных отношений не только с целью защиты земельных объектов как недвижимости, но и как объектов окружающей среды.

Список литературы:

1. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024)
2. Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель»
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»

ОСОБЕННОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ДОГОВОРА ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Чичина Анастасия Александровна

магистрант,
ФГБОУ ВО Государственный университет
по землеустройству,
РФ, г. Москва

FEATURES OF CHANGING AND TERMINATING A WATER USE AGREEMENT

Chichina Anastasia Alexandrovna

Master's student,
Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education,
State University of Land Management,
Russia, Moscow

Аннотация. В статье анализируются особенности изменения и прекращения договора водопользования в контексте водного и гражданского законодательства Российской Федерации. Рассматриваются основания для изменения условий договора, а также порядок прекращения договорных отношений между водопользователем и уполномоченным органом.

Abstract. The article analyzes the features of changing and terminating a water use agreement in the context of the water and civil legislation of the Russian Federation. It examines the grounds for changing the terms of the agreement, as well as the procedure for terminating the contractual relations between the water user and the authorized body.

Ключевые слова: договор водопользования, изменение договора, прекращение договора, водное законодательство, гражданское законодательство, водные ресурсы, водопользователь, существенные нарушения, односторонний отказ.

Keywords: water use agreement, contract modification, contract termination, water legislation, civil legislation, water resources, water user, significant violations, unilateral refusal.

Заключение договоров водопользования – это ключевой инструмент управления водными ресурсами, позволяющий обеспечить их рациональное использование, контролировать качество воды и предотвращать негативное воздействие на окружающую среду. Знание порядка заключения и прекращения таких договоров, механизмов распределения водных ресурсов, является необходимым для всех субъектов хозяйственной деятельности, использующих воду в своей работе, а также для государственных органов, ответственных за управление водными ресурсами [1].

Изменение договора водопользования допускается по соглашению сторон, а также в случаях, предусмотренных федеральным водным законодательством и ГК РФ. К таким основаниям могут относиться:

1) Изменение законодательства. В случае внесения изменений в водное законодательство, влияющих на условия водопользования, стороны обязаны привести договор в соответствие с новыми нормами;

2) Существенное изменение обстоятельств (ст. 451 ГК РФ). Если обстоятельства, из которых стороны исходили при заключении договора, изменились настолько, что если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор не был бы заключен на прежних условиях, он может быть изменен судом по требованию заинтересованной стороны;

3) Необходимость обеспечения экологической безопасности. В случае возникновения угрозы загрязнения или истощения водного объекта, уполномоченный орган вправе потребовать изменения условий водопользования для предотвращения негативных последствий;

4) Соглашение сторон.

В соответствии с п. 25 Договора водопользования все изменения договора водопользования оформляются сторонами дополнительными соглашениями в письменной форме и подлежат в установленном порядке государственной регистрации в государственном водном реестре.

Порядок прекращения пользования водным объектом или его частью и ответственность сторон договора водопользования за нарушение его условий отнесены к существенным условиям договора водопользования [2].

Императивные нормы о порядке прекращения договора водопользования законодателем не установлены. Представляется, что органы государственной власти и местного самоуправления по своему усмотрению устанавливают данные условия. В соответствии со статьей 17 ВК РФ от 03.06.2006 №74-ФЗ изменение и расторжение договора водопользования осуществляются в соответствии с гражданским законодательством.

Прекращение договора водопользования может произойти по различным основаниям, а именно:

1) Истечение срока действия договора;

2) Односторонний отказ одной из сторон при наличии веских оснований (например, невозможность водохозяйственного органа обеспечить водоснабжение). В соответствии со статьей 450.1 ГК РФ право на односторонний отказ от исполнения договора может быть предоставлено законом или договором. Водное законодательство не предусматривает прямого права на односторонний отказ, однако, это может быть предусмотрено условиями договора;

3) Взаимное соглашение сторон;

4) Существенное нарушение условий договора водопользователем (ст. 450 ГК РФ). К существенным нарушениям, дающим право уполномоченному органу расторгнуть договор в одностороннем порядке, могут относиться:

- Нецелевое использование водного объекта;
- Систематическое нарушение экологических требований;
- Несвоевременное внесение платы за водопользование;
- Непредставление отчетности о водопользовании;
- Прекращение права собственности на водный объект;
- Ликвидация юридического лица (водопользователя);
- Решение суда.

В качестве дополнительных оснований могут выступать чрезвычайные ситуации или необходимость использования объекта для нужд государства или муниципалитета (п. 4 ст. 10 ВК РФ). Однако в законодательстве не представлен перечень таких нужд. Кроме того, отсутствует правовая определенность относительно возможности установления данного перечня в рамках договора водопользования.

Взаимосвязанный анализ положений п.3 и п.4 ст.10 ВК РФ, предусматривающей исчерпывающий перечень оснований принудительного прекращения права водопользования, и ст.13 Водного кодекса, согласно которой основания прекращения права водопользования определяются условиями договора, позволяет прийти к выводу о взаимоисключающем характере данных положений. Сторона договора водопользования в силу названного положения ст. 13 ВК РФ находится в ущемленном положении в сравнении со статусом водопользователя, осуществляющего водопользование на основании административного акта. Данное положение, как представляется, противоречит экономическому назначению института договорного регулирования водопользования и нуждается в корректировке.

Учитывая специфику субъектного состава данных отношений, а именно наличие определенных признаков юридического неравенства сторон, следует признать необходимым распространение положений ст. 10 ВК на отношения водопользования, возникающие на основании договора водопользования.

Нарушение условий договора дает водохозяйственному органу право налагать санкции, вплоть до расторжения договора и взыскания штрафов.

Направленность воли сторон приобретает самостоятельное юридическое значение при выявлении оснований расторжения договора и применения ответственности в связи с нарушением договора. С 1 июня 2015 г. вступили в силу нормы ГК РФ о заверениях (ст. 431.2) и об обязательствах возмещения потерь, связанных с наступлением обстоятельств, предусмотренных договором (ст. 406.1) [3]. Введение данных норм обусловлено распространенностью ситуаций, когда неисполнение договора не связано с нарушением обязательства и вызвано обстоятельствами объективного характера.

Основания расторжения договора водопользования определены Водным кодексом РФ и гражданским законодательством. ВК РФ в части регулирования прекращения права водопользования применяет метод диспозитивности, закрепляя право сторон договора самостоятельно определять основания прекращения договора водопользования (п. 5 ч. 2 ст. 13 ВК РФ).

Гражданский кодекс допускает возможность включения в договор условия, позволяющего одной стороне, занимающейся предпринимательской деятельностью, отказаться от исполнения обязательства или в одностороннем порядке изменить его условия по отношению к другой стороне, не занимающейся предпринимательской деятельностью, в случаях, предусмотренных законом или иными правовыми актами (п. 2 ст. 310 ГК РФ). Общие принципы водопользования нуждаются в детальной регламентации в водном законодательстве. Это необходимо, чтобы учесть ситуации, когда условия использования воды меняются из-за природных явлений (например, обмеление) или техногенного воздействия (например, загрязнение). В таких случаях использование воды может стать невозможным или противоречить условиям договора.

Дополнительный характер имеют положения гражданского законодательства, регулирующие отношения аренды. Согласно ст. 615 ГК РФ, если арендатор пользуется имуществом не в соответствии с условиями договора аренды или назначением имущества, арендодатель имеет право потребовать расторжения договора и возмещения убытков, что соответствует положениям ст. 10 ВК РФ, устанавливающей одним из оснований принудительного прекращения права пользования водным объектом по решению суда нецелевое использование водного объекта [4].

В детализации нуждается содержание принципа существенности нарушения договора как основания досрочного расторжения. Действующие положения законодательства позволяют выявить только один критерий существенности – невозможность использования имущества.

В осмыслении нуждается такой критерий, как удорожание использования. Водное и гражданское законодательство не предоставляет на этот счет четких ответов. Учитывая экономическую природу этих отношений и стремление обеспечить инвестиционную привлекательность данной деятельности, целесообразно выделить в качестве критерия существенности нарушения значительное изменение расходов на содержание имущества. Для обеспечения правовой устойчивости государства в этой области необходимо, чтобы данная норма соответствовала положениям, регулирующим порядок определения обязанностей водопользователя по охране водного объекта. Это включает в себя оценку затрат на реализацию мероприятий при заключении договора.

Анализ судебной практики показывает, что основной причиной конфликтов, возникающих при модификации или расторжении договоров водопользования, являются случаи нарушения водопользователями условий договора, в особенности, экологических требований и сроков внесения платы за водопользование. В большинстве ситуаций судебные инстанции встают на сторону компетентных органов, опираясь на представленные доказательства нарушения условий договора. Тем не менее, в определенных обстоятельствах, суды признают незаконным прекращение договора в одностороннем порядке со стороны уполномоченного органа, если допущенные пользователем воды нарушения не носят критического характера, либо были устранены в оговоренные сроки.

Список литературы:

1. Максимов И.В. Проблематика оформления и заключения договора водопользования // Молодой ученый. – 2025. – № 6 (557). – С. 268-272.
2. Чужин И.А. Условия заключения договора водопользования в РФ // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). – Казань: Бук, 2015. – С. 154-158.
3. Абрамов В.В. Договорное регулирование водопользования в Российской Федерации: автореферат дис. кандидата юридических наук: 12.00.06 [Место защиты: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»]. – Москва, 2019.
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СПС «Консультант Плюс».

PAPERS IN ENGLISH

RUBRIC

«MEDICINE AND PHARMACOLOGY»

BIOTECHNOLOGY OF PROBIOTIC ANTIBIOTIC-RESISTANT STRAINS OF BACILLUS SUBTILIS

Bakhmayer Arina Ivanovna*Student of the Institute of Pharmacy,
Chemistry and Biology, Belgorod State National
Research University,
Russia, Belgorod****Mariasova Elena Anatolyevna****PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages and Professional
Communication,
Belgorod State National Research University,
Russia, Belgorod*

Bacillus subtilis is one of the most studied bacteria at present and one of the most significant in biotechnology. Its synthetic capabilities and genetic engineering allow it to be used in the agro-industry, ecology and medicine, with its help they synthesize amino acids and vitamins, and also use it as a model organism for studying gram-positive bacteria. *Bacillus subtilis* is capable of producing a wide range of enzymes, including those involved in the breakdown of complex organic compounds, such as fiber. Due to these properties, this microorganism is actively used in biotechnology. In addition, it has a strong antagonistic effect on other microorganisms, such as yeast, salmonella, streptococci and staphylococci, which can be pathogenic for higher organisms. Modification of the bacterium allows you to enhance its antagonistic and weaken the properties that are dangerous for the body, obtaining probiotic strains. The expansion of the range of application of probiotics from *B. subtilis* strains allows them to be classified as heterobiotic drugs that are used for various living organisms [1, 87 p.].

Currently, probiotics are defined as immunobiological drugs that contain live or inactivated apathogenic microorganisms that have antagonistic activity against pathogenic and opportunistic bacteria, as well as their metabolic products or growth factors for normal microflora microbes. These microorganisms are able to maintain microbial balance in the human and animal body, helping to strengthen the immune system, improve digestion and prevent diseases. Probiotics exhibit antagonistic activity against pathogens, which makes them promising in the treatment of acute intestinal infections [2, 37-42 p.]. For example, studies show that probiotic strains of *B. subtilis* can reduce the population of *Clostridium difficile*, which, when the microfloral balance is disturbed, can cause intestinal infections. In this regard, *B. subtilis* is one of the existing bases for probiotic drugs along with *Lactobacillus* and *Bifidobacterium*.

The ability of probiotics to restore the body's microflora is also important in recovery after a course of antibiotics. These drugs can also be one of the solutions to the problem of antibiotic resistance, the main cause of which is the excessive and improper use of antibiotics, both in medicine and in agriculture. Antibiotic resistance has become one of the most serious threats to global health,

and it requires an integrated approach. The use of probiotics such as *Bacillus subtilis* is considered a promising way to reduce the spread of resistant bacteria due to their ability to inhibit the growth of pathogens. This is achieved due to the production of antimicrobial substances by the *Bacillus*, such as subtilosin and bacteriocins. In addition, it is a spore-forming microorganism, which means it has a high resistance to adverse environmental conditions, including the acidic environment of the stomach. The conditions for culturing bacteria in bioreactors contribute to the formation of these spores, and for stabilization, the biomass is lyophilized or freeze-dried. Probiotics also help prevent the development of secondary infections due to their ability to restore the body's microbiota after taking antibiotics. The use of various strains of the genus *Bacillus* in feed ensures effective competition for epithelial attachment sites, which in turn prevents intestinal colonization by pathogenic microorganisms.

Microorganisms can be considered probiotics if they meet the following WHO requirements:

1. strains must be obtained from natural substrates;
2. identified to species level;
3. have a genetic passport;
4. have a broad spectrum of antagonistic activity against pathogenic and opportunistic microorganisms;
5. do not suppress normal microflora;
6. have a positive effect on the human body;
7. consist of viable cells or products of their metabolism;
8. able to survive in extreme conditions of the stomach and intestines;
9. must rapidly multiply and colonize on intestinal epithelial cells;
10. must be non-pathogenic and non-toxic to humans;
11. must be biologically stable, viable over a long period of time [3, 1-5 p.].

Bacillus subtilis meets these criteria. Research also confirms that this bacterium stimulates the body's immune response, increasing its resistance to infectious diseases. In this regard and the above, *B. subtilis* is a very promising object for the production of probiotics and its inclusion in complex food additives and preparations.

In the United States, *Bacillus subtilis* probiotics have found wide application, especially in food additives and animal feed. Studies conducted by the Food and Drug Administration (FDA) have confirmed the efficacy and safety of *Bacillus subtilis* in these products. Probiotics based on their strains help to improve the condition of intestinal microflora, which is especially important for maintaining the health of both humans and animals. European countries, such as Germany, actively use *Bacillus subtilis* in medicine, especially for the treatment of gastrointestinal diseases. Clinical trials conducted in Germany have confirmed the effectiveness of *Bacillus subtilis* in improving the condition of patients with such diseases. This demonstrates the high level of trust in their probiotic properties among European medical professionals. The use of these products in Europe illustrates the importance of integrating probiotics into clinical practice to address current health issues. In Asian countries, especially in Japan, products fermented with *Bacillus subtilis*, such as natto, are traditionally used. These products are not only part of the national cuisine, but also play a significant role in maintaining the health of the population.

Russian probiotic biotechnology has demonstrated positive trends in recent years, as evidenced by the increasing number of scientific publications and developments in this area. Scientists are actively researching the properties of *Bacillus subtilis*, studying the possibilities of its use for the prevention and treatment of various diseases. In 2019, several new probiotic-based drugs were registered in Russia, indicating a growing interest in this topic.

Despite the successes achieved, Russian scientists face a number of challenges. One of the key problems is insufficient funding for research, which limits the possibility of conducting large-scale experiments and clinical trials. At the same time, there is a need to improve the infrastructure for the development and production of probiotic drugs. These challenges require active support from the state and the private sector to overcome existing barriers.

International cooperation plays an important role in the development of Russian probiotic biotechnology. Exchange of experience with foreign colleagues allows us to introduce advanced

technologies and methods into domestic research. For example, joint projects with European laboratories contribute to the development of new drugs and improve the quality of research. The development of such partnerships can significantly accelerate progress in the field of probiotics, but in the current years this is becoming especially difficult.

Prospects for further research and development in the field of *Bacillus subtilis* probiotics include the study of new strains and their properties, as well as the creation of innovative drugs. Successful resolution of existing problems and active use of international experience can lead to significant progress in this area. An important area is the study of the effect of probiotics on immunity and their use in the complex therapy of various diseases, for example, in the treatment of respiratory infections and allergic diseases [4, 151-152 p.].

References:

1. Stepanova A.M., Tarabukina N.P., Neustroev M.P. Use of probiotics in the northernmost zoo in Russia // Russian journal «Problems of veterinary sanitation, hygiene and ecology» – 2014 – No. 2(12).
2. Uspensky Y., Baryshnikova N. *Lactobacillus reuteri* versus *Helicobacter pylori*: in vitro and in vivo efficacy // Doctor – 2019 – No. 30 (12)
3. Gritsinskaya, V. L. Probiotics: classification, main characteristics, requirements for probiotic strains and their scope of application // Children's Medicine of the North-West – 2022 – V. 10, No. 3.
4. Andreeva I.V. Probiotics in clinical practice // Clinical microbiological antimicrobial chemotherapy – 2006 – V. 8, No. 2.

RUBRIC

«SOCIOLOGY»

IMPACT OF AI IN EDUCATION AND DIGITAL INEQUALITY AMONG SOCIAL GROUPS IN KAZAKHSTAN

Duisenbiyev Yesset Askarovich*Student,**Nazarbayev Intellectual School of Science**and Mathematics in Taldykorgan**Kazakhstan, Taldykorgan***Shunbo Lei***Scientific Director,**Assistant Professor,**Chinese University of Hong Kong,**China, Shenzhen*

Abstract. Artificial intelligence (AI) is changing education systems around the world with its rapid development. AI-powered tools and platforms are opening up new opportunities for personalized learning and expanded access to learning resources. However, new innovations are also introducing deep issues of equity and access: most notably in countries like Kazakhstan, where digital infrastructure and technology adoption are uneven across urban and rural (village) environments.

The aim of this study is to examine the gap between the adoption of AI in education in urban and rural areas of Kazakhstan. While students in urban areas may enjoy more modern devices, faster internet, and their teachers are already integrating AI into their learning, rural students are faced with poor technology infrastructure, such as slow internet, and their teaching methods remain outdated. By comparing teachers' and students' experience with using AI in both environments, the research will investigate how AI reduces or expands gaps in education.

Background

Despite Kazakhstan's remarkable achievements within last years in technology development, digital inequality continues to limit inclusive access to technological innovation in key areas such as education. While the government's Digital Kazakhstan program has increased internet access to 92%, this number does not tell the full story in a country where many rural areas have poor or no internet connection. Rural regions, which account for nearly 40% of residents, will probably experience patchy or slow connections despite proclaimed broadband reach. For instance, in most parts of the country, internet speeds had been stuck at 20 Mbps until 2021, and fiber-optic networks still needed to extend to distant villages. Kazakhstan's immense geographical area, over 2.7 million square kilometers, makes it an enormously expensive undertaking to lay telecommunications infrastructure in inaccessible regions, resulting in a largely uneven territorial divide in access to digital services.

In addition to infrastructure, digital literacy is also a major obstacle. In 2021, the lowest regional rate of digital literacy among the population aged more than six was registered in the Akmola region at a mere 68.9%, against the country-wide average of 79.6% (Kurmanov et al., 2022). While digital literacy is expanding throughout the country, the uneven nature of development still constrains equal access to AI-facilitated learning, especially in less developed regions. Socioeconomic limitations and lower levels of digital literacy, especially in rural communities, further exclude those latter groups from taking advantage of AI-facilitated learning technologies. High-speed internet access remains largely centralized in cities such as Almaty and Astana, while rising mobile tariffs and inflation-

driven cost pressures disproportionately harm low-income households (Kurmanov et al., 2022). This vision is one that implies education AI will further exacerbate inequality. It will deliver quality learning to those already possessing good technology, internet, and device access, but further exclude those already disadvantaged based on where they reside, how much income they earn, or simply because they do not possess the required technology and internet. Any model of incentive-driven AI application in education in this vision will thus have to meet such exclusionary disparities existing in Kazakhstan's digital space with stringent rigor

Discuss how the application of artificial intelligence in education has impacted social equity in Kazakhstan, and whether it can be attributed to prevailing societal issues such as digital inequality, disparities in access to technology across various regions, and marginalization of rural or underprivileged student groups.

Method Research

The research approach employed in this study is a mixed-method one involving qualitative and quantitative approaches. Data used in this study are qualitative data such as answers to interviews and text analysis, and quantitative data gathered through the use of questionnaires. Data sources are collected from library work, using online sources such that scientific articles and reputable news sources are utilized. The data sources are categorized in themes and synthesized using a comparative analysis method. Literature review, interviewing of major stakeholders (e.g., teachers and students), and a quantitative questionnaire administered to the wider population are methods of data collection used in this study. All data gathered are logically examined to determine patterns and observations, against which the foundation upon which to draw inferences regarding fairness as it pertains to artificial intelligence is developed.

Literature review

In Digital Divide of Resource-Based (Oil and Gas) and Service-Dominated Regions, a paper in the Journal of Open Innovation (2022), Kurmanov et al. explore how Kazakhstan's regional economic orientation differences influence digital infrastructure and access. Research finds that those regions dependent on extractive industries lag behind those service-dependent ones in terms of digital progress, leading to an unequal availability of high-speed internet, which affects access to digital services like education. They highlight that mobile broadband speeds in 2021 were around 20 Mbps in the majority of rural communities, and fiber-optic rollouts are low, especially in remote settlements. This is a geographical disparity that is an infrastructural challenge for AI-based learning tools, which rely heavily on stationary, high-bandwidth internet connections.

Affirming this view, the 2024 USAID Digital Ecosystem Country Assessment (DECA) concludes that while Kazakhstan has high national levels of internet penetration, rural communities and disadvantaged groups suffer disproportionately. The assessment notes that the lack of strategic digital literacy planning coupled with linguistic and socio-economic disparities results in systemic digital education ecosystems exclusion—especially by rural youth, ethnic minorities, and women.

The UNDP (2023) has highlighted persistent gendered and geographical access barriers to digital technology where rural women in particular have gaps in social norms and digital competency to contain their participation in technology-enabled learning spaces.

Despite the rising global literature on the education role of AI, local implementation in Kazakhstan has not been given sufficient attention. Earlier work (e.g., 2010–2020 meta-analysis of AI and learning) positions AI tools as three generations: rule-based systems, statistical learning, and brain-inspired neural models. But these studies generally presume stable digital access and disregard the ways in which uneven infrastructural realities shape user experience and results. Not much has been spent on understanding how these AI tools operate in the context of the digital divide.

While the existing literature makes positive contributions to understanding the digital divide and the development of AI in education, it does not offer a detailed examination of how these dynamics play out in fast-growing economies like Kazakhstan. Some key **questions** remain:

1. How does unequal access to AI-based educational technologies affect student learning outcomes in urban and rural areas of Kazakhstan?

2. How do teachers and students in Kazakhstan perceive the benefits and challenges of integrating AI tools into the classroom, and how do these perceptions vary across regions?

3. To what extent does the growing use of AI in education in Kazakhstan reinforce or reduce existing digital inequalities among students?

This study addresses these lacunae by comparing urban and rural learning spaces in Kazakhstan with an aim of creating a model of digital equity that critically examines who benefits from AI in education and who is systematically excluded.

Results and Discussion

Survey data were collected from 120 students (60 urban and 60 rural). The findings reveal clear disparities:

- **Access to Devices:** 82% of urban students reported having personal laptops or tablets, compared to only 47% of rural students. For rural respondents, smartphones served as the primary device for 76%, which often limits the functionality needed for advanced learning platforms.
- **Internet Quality:** 74% of urban schools reported “stable and fast” internet access, while only 28% of rural schools indicated the same. Furthermore, 42% of rural students reported frequent internet disruptions during class, making it difficult to use AI tools consistently.
- **Use of AI Tools:** 65% of urban students said they used AI-based tools (such as ChatGPT, or Grammarly AI) at least once per month, whereas only 23% of rural students reported the same.
- **Perceptions of AI:** 85% of urban students agreed that “AI makes learning easier,” compared to only 43% of rural students.

Qualitative interviews with two teachers (one urban, one rural) of the same subject add depth to these findings:

- The urban teacher reported successfully integrating AI into lesson planning and assessment. They described AI tools as effective for generating quizzes, providing instant feedback, and supporting differentiated instruction for students at varying levels.
- The rural teacher, by contrast, highlighted major obstacles: insufficient training in AI tools, weak infrastructure, limited access to reliable devices, and in some cases resistance from the school administration to adopt “new” technologies.

Analysis: These results indicate that the adoption of AI in education is highly dependent on infrastructure and teacher readiness. Urban environments provide both the technical foundation (fast internet, devices) and cultural acceptance for AI integration, whereas rural environments continue to lag behind. Importantly, the gap is not only technological but also perceptual: rural students and teachers tend to view AI with skepticism, largely because their experience of it is interrupted by technical limitations. This creates a cycle where lack of exposure reinforces negative perceptions, further discouraging adoption.

Overall, the findings suggest that AI has dual potential: it can enhance equity by providing personalized learning opportunities, but without equal access, it risks amplifying existing inequalities between rural and urban education systems.

Conclusion. This study demonstrates that digital inequality in Kazakhstan is a decisive factor shaping how AI is integrated into education. The survey data revealed significant disparities: urban students benefit from better device ownership (82% vs 47%), more reliable internet (74% vs 28%), and higher usage rates of AI tools (65% vs 23%). At the same time, qualitative interviews revealed contrasting teaching realities: one teacher successfully integrates AI into pedagogy, while the other struggles with infrastructural and institutional barriers.

Key insights include

1. **Infrastructure as the foundation:** Without stable internet and access to modern devices, rural schools cannot meaningfully adopt AI.
2. **Teacher training and support:** Even where infrastructure exists, lack of professional development prevents rural teachers from using AI effectively.
3. **Perceptions and trust in AI:** Rural communities often view AI with skepticism due to limited exposure and technical failures, which hinders acceptance.

4. Policy implications: Government investment must go beyond connectivity statistics (e.g., 92% national internet access) and target quality of service in underserved regions.

5. Equity-driven design: AI in education should be localized for Kazakh contexts, including language support and offline capabilities, to serve students in low-connectivity areas.

By addressing these systemic issues, Kazakhstan can transform AI in education from a driver of inequality into a tool for digital fairness. The long-term vision should be an education system where every student—regardless of geography—benefits equally from technological innovation.

Appendix A: Survey Results

The following chart compares urban and rural students' responses on device access, internet stability, AI usage, and perception of AI in education.

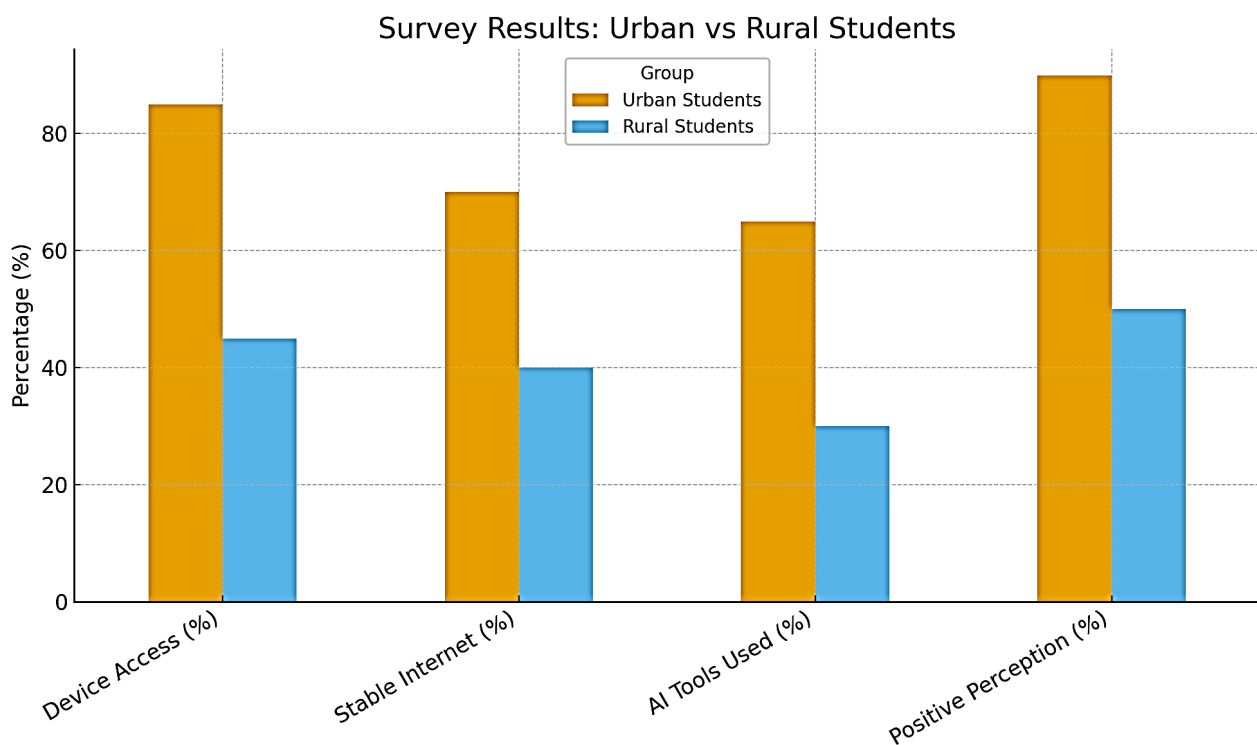

Figure 1. Results

Appendix B: Teacher Interview Results

The chart below summarizes the responses from two teachers (urban vs rural) regarding their experiences with AI in lesson planning, assessment, perceived benefits, and infrastructural challenges.

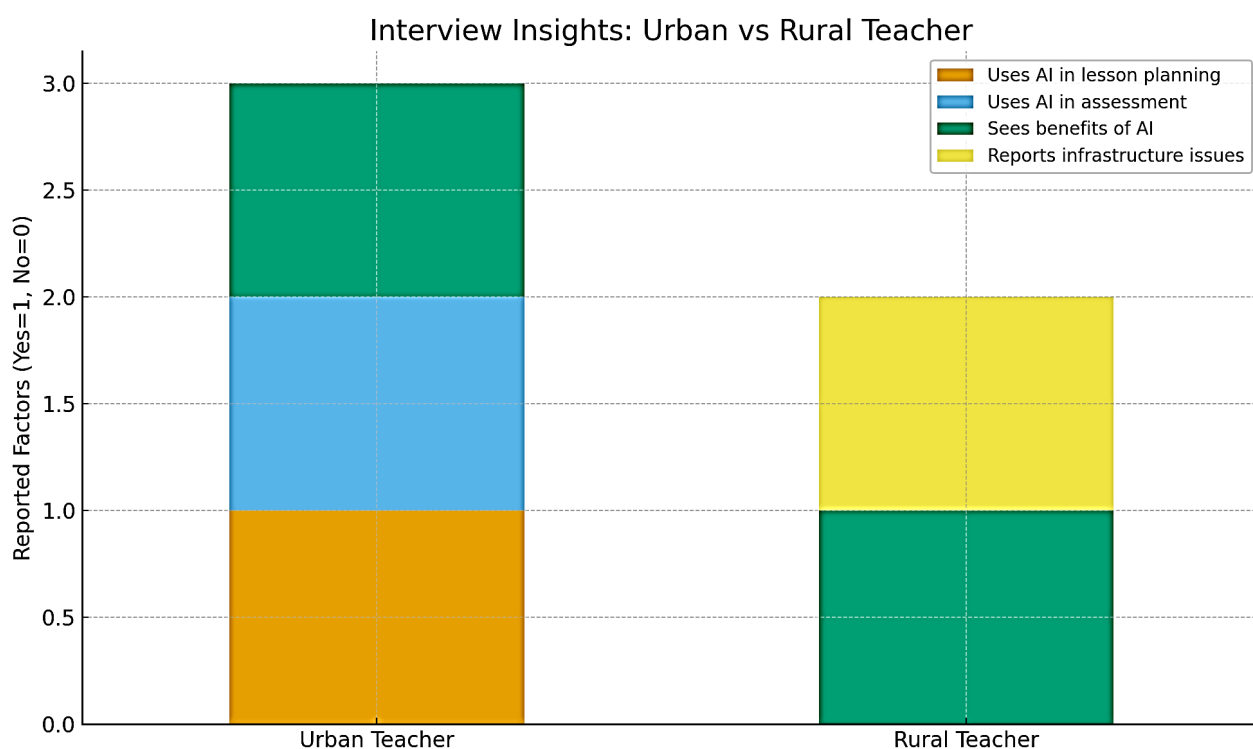

Figure 2. Results

References

1. Electronic resource https://www.mdpi.com/2199-8531/8/4/184?utm_source
2. Electronic resource https://radensa.ru/wp-content/uploads/2024/05/Role_of_AI_in_Education.pdf
3. Electronic resource <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1155/2021/8812542>

RUBRIC

«TECHNICAL SCIENCES»

QAZVOICE: DEVELOPMENT OF A KAZAKH-LANGUAGE VOICE ASSISTANT

Duisenbiyev Yesset Askarovich

*Student,
Nazarbayev Intellectual School of Science
and Mathematics in Taldykorgan,
Kazakhstan, Taldykorgan*

Iskakova Aizhan Tohtarbayevna

*Scientific supervisor,
Nazarbayev Intellectual School of Science
and Mathematics in Taldykorgan,
Kazakhstan, Taldykorgan*

Abstract. In recent years, voice assistants have revolutionized the way humans interact with technology, enabling hands-free control and intelligent conversation with digital systems. However, most available voice assistants such as Siri, Alexa, and Google Assistant are optimized for English and Russian, leaving Kazakh-speaking users with limited access to similar technological benefits. The "QazVoice" project seeks to bridge this linguistic gap by developing a localized voice assistant that understands and responds in the Kazakh language. Through the integration of open-source libraries such as Vosk for speech recognition and Silero for text-to-speech synthesis, QazVoice demonstrates how accessible technologies can empower linguistic inclusivity. This paper explores the project's research process, technical implementation, user feedback, and the broader implications for the digital development of the Kazakh language.

Keywords: development, Kazakh voice assistant.

1. Introduction

Voice assistants represent one of the most transformative innovations of the 21st century, offering users efficient ways to perform everyday tasks using natural speech. Yet, despite the global proliferation of such systems, the representation of minority languages in artificial intelligence remains disproportionately low. In Kazakhstan, the dominance of Russian-language technologies has hindered the growth of native-language digital ecosystems. The QazVoice project aims to address this imbalance by developing a functional Kazakh-language voice assistant. The initiative began at Nazarbayev Intellectual School in Taldykorgan, where a group of students—motivated by the lack of linguistic diversity in technology—set out to create a prototype capable of understanding and responding to spoken Kazakh commands. The project combines linguistic research, AI integration, and user experience testing to deliver a foundational model for future development.

2. Background and Objectives

The technological marginalization of the Kazakh language is a growing concern. While Kazakh content on the Internet is slowly increasing, digital tools such as speech recognition, synthesis, and language understanding systems remain scarce.

This gap not only limits accessibility but also affects cultural and educational equity.

The primary objective of QazVoice is to create an assistant that allows users to perform voice-driven tasks such as browsing, checking weather updates, and launching applications. Beyond

functionality, the project aims to promote the digital use of Kazakh, encouraging users to engage with technology in their native tongue.

Key objectives include:

1. Developing a lightweight, locally executable voice assistant that supports Kazakh.
2. Integrating open-source libraries for speech recognition and synthesis.
3. Evaluating user perception and linguistic accuracy through interviews and testing.

3. Methodology and Research Process

The project followed a structured process comprising three main phases: research, development, and evaluation.

During the research phase, the team studied available voice processing tools, identifying limitations in Kazakh language

support. Among potential technologies, Vosk was selected for speech recognition due to its open-source accessibility and ability to be trained on new datasets. For speech synthesis, Silero TTS was chosen for its Cyrillic support and ease of integration. Development began with creating a dataset of Kazakh commands and responses. Each command corresponded to a predefined function such as opening a browser, checking the weather, or greeting the user. The system was programmed to activate upon hearing trigger words like “Әли” or “Ғали.” Once activated, the assistant analyzed the spoken input, matched it to its command database, and generated an appropriate response in Kazakh.

To evaluate the project’s social and educational relevance, the team conducted interviews with teachers and curators at the Nazarbayev Intellectual School. Respondents emphasized the necessity of such tools for cultural preservation and language promotion in technology. They also noted that the project’s potential extends beyond utility—serving as a model for student-led innovation in linguistic technologies.

4. Technical Implementation Overview

QazVoice integrates several core components to achieve voice-based interaction. The **Vosk model processes incoming** audio data and converts it into text, while a machine learning classifier (Logistic Regression) maps recognized phrases to corresponding commands. Silero TTS then synthesizes natural Kazakh speech responses. **For external data retrieval**, such as weather information, the system utilizes the OpenWeatherMap API, translating outputs into Kazakh via Google Translate.

The assistant is designed to function offline after initialization, ensuring user accessibility even in low-connectivity regions. It operates efficiently on local devices with an average response time of under one second following activation.

The graphical interface, created using CustomTkinter, enhances usability by providing a simple and visually appealing layout.

5. Results and Discussion

Testing demonstrated that QazVoice could accurately recognize and respond to a wide range of commands in Kazakh.

Weather inquiries, application launches, and greetings were processed with a success rate of approximately 85%. Minor errors in speech recognition were primarily caused by regional accents and microphone quality variations. Interview feedback highlighted the cultural and linguistic value of the project. Teachers appreciated the initiative’s

role in encouraging young people to interact in their native language through modern tools. Respondents also suggested that further development could enable educational applications—such as vocabulary practice or translation assistance—to support language learning. The project demonstrates how small-scale initiatives can make significant contributions to digital inclusivity and linguistic diversity. QazVoice serves as both a technical prototype and a symbolic statement: that the Kazakh language deserves equal representation in artificial intelligence.

6. Challenges and Solutions Several challenges emerged during development:

1. Limited Kazakh datasets: Few public speech datasets exist for Kazakh, complicating recognition training.

To address this, the team adapted existing multilingual models and manually tested pronunciations.

2. Text-to-speech limitations: Early synthesis attempts produced robotic or unclear speech. Using Silero improved clarity and fluency.

3. Interface design: Creating a user-friendly GUI required learning new frameworks. CustomTkinter provided a practical solution.

4. Performance optimization: Early prototypes processed commands slowly. Code restructuring and local caching reduced delays.

7. Conclusion and Future Work. The QazVoice project marks an important milestone in the development of AI tools for underrepresented languages. By combining open-source technologies and linguistic insight, it demonstrates how innovation can empower cultural identity and technological inclusion. The assistant successfully bridges the gap between Kazakh speakers and digital technologies, proving that language should never be a barrier to innovation. Future improvements include expanding the assistant's functionality to control device hardware, incorporating noise reduction using AI filters, and developing a fully independent Kazakh-language speech recognition model. In the long term, the team aim to integrate QazVoice with educational platforms.

Reference:

1. Khassanov, Y., Varol, C., Mussakhojayeva, S., Mirzakhmetov, A., & Temirbekov, N. (2021). A Crowdsourced Open-Source Kazakh Speech Corpus and Initial Speech Recognition Baseline. Proceedings of the 16th Conference of the European Chapter of the ACL (EACL 2021): <https://aclanthology.org/2021.eacl-main.58/>
2. Mussakhojayeva, S., Khassanov, Y., & Varol, C. (2021). A Study of Multilingual End-to-End Speech Recognition for Kazakh, Russian, and English. arXiv preprint arXiv:2108.01280: <https://arxiv.org/abs/2108.01280>
3. Khassanov, Y., Mussakhojayeva, S., Mirzakhmetov, A., & Varol, C. (2023). A Study of Speech Recognition for Kazakh Based on Unsupervised and Semi-Supervised Learning. PLOS ONE, 18(1): <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9863384/>
4. OpenWeatherMap. (2024). Weather API Documentation. Retrieved from: <https://openweathermap.org/api>
5. Vosk AI. (2024). Offline Speech Recognition Toolkit. Alphacepei Documentation: <https://alphacepei.com/vosk/>
6. Silero AI. (2023). Silero Text-to-Speech Models Documentation. GitHub Repository: <https://github.com/snakers4/silero-models>
7. Google Developers. (2024). Google Translate API Documentation. Retrieved from: <https://cloud.google.com/translate>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 35 (344)
Ноябрь 2025 г.

В авторской редакции

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 66232 от 01.07.2016

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74

E-mail: studjournal@nauchforum.ru

16+

